

БОРИС АЖУНИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ЗВЕРЕЙ

*Короткие истории
о всяком разном*

Борис Акунин

**Жизнь замечательных
людей и зверей. Короткие
истории о всяком разном**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Акунин Б.

Жизнь замечательных людей и зверей. Короткие истории о всяком разном / Б. Акунин — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-098908-9

«Люди нередко влюбляются в кого-то с одного взгляда. Мы, литераторы, способны влюбиться с одной фразы. Так со мной и произошло. Я влюбился...» Но ведь мы, читатели, тоже на такое способны. В новой книге Бориса Акунина собраны исторические миниатюры, которые вас удивят, обрадуют, заставят задуматься, а может быть даже «выведут из зоны комфорта». Жизни замечательных (а порой и самых обыкновенных – на первый взгляд) людей и зверей так точно передают настроение и колорит прошлых времен, словно перед нами диковинный калейдоскоп необычайных событий и поразительных персонажей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098908-9

© Акунин Б., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Белые амазонки	6
Белые амазонки (продолжение)	12
Белые амазонки (окончание)	19
И это серьезное дело нельзя поручать никому	24
Быль о сером волке (Жеводанское чудовище)	29
Настоящая умная женщина	33
Настоящая писательница	38
Настоящая принцесса	41
Диверсант № 2	46
Детский возраст криминалистики	52
Подлинный Джекил-Хайд	55
Братья и разбойники	58
У, противная	64
Париж не стоит обедни, или Перельман былых времен	67
Помнить героев	72
Очарование Ислама	75
Утонуть в пустыне	78
Разгадываем загадки (продолжение)	81
Приключения Колобка	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Борис Акунин
Жизнь замечательных людей и зверей.
Короткие истории о всяком разном

© В.Акунин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Белые амазонки

Черт его знает, почему убитых на войне женщин должно быть жальче, чем мужчин. Но почему-то жальче. Может, оттого, что кашу всегда завариваем мы, а когда оказываемся недюжи, на помощь приходят они – идейные, или любящие, или просто экзальтированные, но в любом случае самоотверженные. Воюют они чаще всего неумело, врагов убивают плохо, а сами гибнут легко и быстро, как летящие на огонь мотыльки. И поэтому их невыносимо жалко.

Я в свое время про это целую повесть написал – про женские батальоны смерти, прекрасную и постыдную страницу нашей военной истории (прекрасную для российских женщин и постыдную для российских мужчин). В повесть попала малая толика материалов, которые я собрал в ходе подготовки, – лишь о событиях 1917 года. Но, начав читать про русских амазонок, я уже не мог остановиться. Хотелось узнать, как сложились их судьбы дальше, в еще более жестокие времена.

Судьбы сложились грустно. Большинству патриотов, откликнувшихся на призыв Марии Бочкаревой, пришлось воевать не с германцами, а со своими – на Гражданской.

Известно, что в Красной армии женщин было много: комиссарши, комсомолки, пулеметчицы, санитарки, чекистки, просто бойцы. У большевиков они считались равноправными товарищами, а коли ты равноправная – никаких поблажек. Тащи мужскую ношу и не рассчитывай на джентльменство. Моя бабушка 1899 года рождения тоже воевала у красных. В детстве я замороженно шупал осколок от белоказачьего снаряда, засевший у нее в локте, – это было прикосновение к истории.

Но моя бабушка, как и большинство красноармеек, была пролетарского происхождения. Сирота, выросла «в людях». Таким было легче привыкнуть к лишениям, грязи, вшам, грубой фронтовой жизни. Бабушка рассказывала мне о простоте солдатских нравов безо всякого осуждения, даже со смехом.

Намного тяжелей пришлось тургеневским барышням, оказавшимся по другую сторону. Да и участь у проигравших войну была трагичней.

Девушки-прапорщицы. Москва, ноябрь 1917 г. Первый ряд (слева направо): Виденек, З. Реформатская, Н. Заборская. Сзади: А. Кочергина, З. Свирчевская, З. Готгард

Их, женщин Белой армии (да простит меня бабушка-большевичка), я и хочу вам показать. Просто посмотрите на эти лица.

Помню, как я начал выуживать их по всему Интернету в процессе работы над повестью – и не мог остановиться. Если было известно имя, пытался выяснить биографию. Иногда удавалось.

Я тогда не записывал, откуда беру снимки, а теперь не восстановишь. Прошу извинения у первоначальных публикаторов.

В 1917 году Александровское военное училище выпустило 25 девушек-прапорщиков. Одна погибла тогда же, когда был сделан этот снимок – во время московских уличных боев;

почти все остальные ушли к белым. Девять были убиты на Гражданской войне. Еще две застрелились вскоре после ее окончания.

Из тех, кого вы видите на снимке, ничего не нашел о прапорщике Виденек (даже имени не знаю) – кроме того, что она участвовала в корниловском «Ледяном походе».

Зинаида Реформатская была несколько раз ранена. Дожила до старости, умерла в США.

Подпоручик Надежда Заборская застрелилась в Парагвае.

Антонина Кочергина воевала у Деникина и Врангеля. Эмигрировала.

Зинаида Свирчевская была командирована с юга в Москву с секретным заданием. Схвачена, расстреляна.

Подпоручик Зинаида Готгард застрелилась в Югославии.

Две из них есть и на другой фотографии:

Врангелевский Крым. Октябрь 1920 г.

Справа сидит Зинаида Готгард (та, что застрелилась в Югославии). Стоит Надежда Заборская (тоже застрелилась. В Асунсьоне, прости господи). Полулежит вольноопределяющаяся Валентина Лозовская (между прочим, в будущем – жена знаменитого певца Юрия Морфесси).

А как вам вот это лицо – на нижнем снимке?

Мария Мерсье

Из воспоминаний А.Г. Невзорова, участника «Ледяного похода»:

«Вопрос о пулеметах и артиллерии нас заботил. Но с пулеметами дело решилось просто: к нам явились две женщины-прапорщика с двумя пулеметами Максима. Они уже были в боях, и одна из них была легко ранена в руку. Тем, как держали себя эти два прапорщика, можно было только восторгаться: они спокойно лежали за своими «максимами» и по приказанию открывали огонь. /.../ Это были сестры Мерсье. Вера и Мария Мерсье окончили в 1917 г. Александровское военное училище и были произведены в прапорщики. С ноября 1917 г. находились в Добровольческой армии и участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе пулеметной роты Корниловского ударного полка. Вера погибла в этом походе, а Мария продолжала служить в армии и была убита в 1919 г. под Воронежем».

Посмотрите на эту супружескую пару (жена с «Георгием» и орденом за «Ледяной поход», муж – без наград):

Супруги Бузун. Снимок 1919 года

Красавица с кинжалом – Ванда Бузун, батальонный адъютант (Алексеевский полк). Рядом ее муж штабс-капитан Петр Бузун, командир того же батальона.

В следующей главе расскажу про трех самых известных «белых амазонок»: одна – романтическая героиня, другая – верная подруга, третья – неистовая воительница.

Белые амазонки (продолжение)

Это нежное создание, баронесса Софья де Бодэ, запомнилась многим, кто видел ее на Гражданской войне или просто слышал о ней.

Она происходила из давно обрусевшей французской семьи. Сильно романтизированная биографическая справка сообщает, что Софья де Бодэ – выпускница Смольного института благородных девиц, во время Первой мировой отправилась на войну и служила под командой отца в конной разведке.

Отчество Софьи мне неизвестно. Баронов де Бодэ в армии было двое. Возможно, речь идет об Августине Клементьевиче (1871–1915), бывшем военном атташе в Вашингтоне. На фронте он командовал полком и пал в бою.

Думаю, впрочем, что история про разведку относится к области мифов: к отцу Софья ездила, казаком наряжалась и на коне скакала, но в разведке служила вряд ли. В 1915 году это было бы такой экзотикой, что о юной кавалерист-девице раструбили бы все газеты.

Мужской наряд пока еще маскарадный, а la cosaque

Отношение к женщинам-военным стало меняться лишь с весны 1917 года, когда Мария Бочкарева призвала соотечественниц взять в руки оружие. Одной из тех, кто с энтузиазмом откликнулся на этот зов, была Софья Бодэ. Она записалась в женский батальон смерти, а

потом попала на офицерские курсы при Александровском училище – вместе с 24 другими девушками (см. предыдущий пост).

Кадр кинохроники (нашел в YouTube), снимавшей летом семнадцатого года принятие присяги на Красной площади, выхватил из шеренги вольноопределяющуюся Бода – она оглянулась на камеру. Посмотрите, как она изменилась: усталое лицо, вместо кокетливой бекешки – простая солдатская гимнастерка. Уж не знаю, как ей удалось сохранить волосы, ведь доброволок стригли под ноль.

Маскарадные времена закончились. Теперь все будет по-другому: кроваво и жестоко

В октябре она вместе с другими выпускницами надела погоны прапорщика.

«Молоденькая, красивая девушка с круглым лицом, с круглыми голубыми глазами в своем военном мундире прапорщика казалась нарядным и стройным мальчиком. Дочь русского генерала, воспитанная в военной среде, она не подделывалась под офицера, а усвоила себе все военные приемы естественно, как если бы она была мужчиной...» – пишет один из мемуаристов, видевший Софью в то время.

Меньше чем через месяц произошла революция. В отличие от Петрограда, Москва упорно сопротивлялась большевистскому перевороту. Кровавые бои продолжались несколько дней. Софья командовала отрядом юнкеров, в бою у Никитских ворот была ранена в ногу.

Едва лишь зародилось корниловское движение – уехала из Москвы на юг.

Участвовала в отчаянном «Ледяном походе», откуда мало кто вернулся живым. Софья мелькает в воспоминаниях генерала Богаевского: «Спустя полчаса ко мне подлетает карьером одетая в черкеску баронесса Бода, служившая ординарцем в нашей коннице, отчаянно храбрая молодая женщина, впоследствии убитая во время атаки генерала Эрдели под Екатеринодаром, и докладывает, что генерал Корнилов посылает мне свой последний резерв: два эскадрона конницы. Вдали рысью шла за ней конная колонна».

Конная бригада Эрдели понесла тяжелые потери в бою 13 марта 1918 года – это и есть дата смерти Софьи Боде. Она погибла в самом начале страшной войны, но запомнили ее лучше, чем других девушек-прапорщиков. Баронесса де Боде – единственная, у кого был титул, и в кавалерию из выпускниц Александровского училища попала только она.

Офицер-эмигрант Виктор Ларионов вывел ее под именем княжны Черкасской в своем романе «Последние юнкера»: «И вот в первых же боях она показала себя не только лихим, но и смысленным, распорядительным бойцом, способным понимать обстановку и командовать другими. Ее все полюбили, заботились о ней подчас трогательно, но, к сожалению, не могли удержать ее боевых порывов. Она как бы искала смерти... И нашла ее под Матвеевым курганом, когда два орудия, прикрывая отход пехоты перед сильнейшим противником, готовились уже бить картечью, а она, стоя во весь рост между орудиями, выпускала обойму за обоймой из карабина».

Я прочитал, что по телевидению несколько лет назад показывали документальный фильм «Баронесса де Боде – легенда Белой армии». Там наверняка более подробно рассказано об этой короткой и романтической жизни.

А вот совсем другая история. Не столько про героизм, сколько про любовь и верность.

Вы наверняка читали про генерала Слащева, отчаянного храбреца и гениального тактика. Это был позер, дебошир, кокаинист, без конца со всеми ссорившийся, но не раз спасавший белый фронт. Слащев обожал экстравагантность, носил какие-то умопомрачительные мундиры собственного дизайна. «Пускай всякий, кто так воюет, наряжается как ему угодно», – говорил про него Врангель.

Маскарадные времена закончились. Теперь все будет по-другому: кроваво и жестоко

Но мы смотрим не на щеголя Слащева, а на девушку, которая рядом.

Это Нина Нечволодова, она с палочкой после ранения, полученного на Чонгарской гати. В ней трудно узнать пухлую барышню, тоже наряженную казаком, со следующего снимка.

Нужно было увидеть и пролить немало крови (своей и чужой), чтобы так перемениться всего за два года. Должен сказать, что, когда сравниваешь любое женское лицо *до* и *после* фронта, содрогаешься.

Девушка с верхней фотографии к тому же еще здорово похожа на мою бабушку в юности. Тот же возраст, та же стрижка, та же непримиримая интенсивность во взгляде. (Во времена моего детства бабушка, сорок килограммов пламенного марксизма-ленинизма, будет запихивать в меня ложку манной каши, говоря: «Любить надо партию, а кашу нужно есть».) Если бы они с Нечволодовой в двадцатом встретились – убили бы друг друга.

Но про бабушку расскажу как-нибудь в другой раз.

Читаем в воспоминаниях И. Сагацкого: «...Около вагона Слащева стояла большая группа и Ниночка-ординарец.

Это была миловидная и стройная девица в белой рубаше с погонами унтер-офицера и одним или двумя Георгиевскими крестиками, в кавалерийских синих бриджах и сапогах со шпорами. Мне успели шепнуть, что Ниночка – из хорошей семьи, ведет себя безупречно и вполне заслуживает свои Георгиевские крестики...»

Сагацкий видел Нечволодову в апреле 1920 года, когда она уже состояла при своем сорви-голове и была личностью полуполюгендарной.

Дедушка и бабушка. Начособотдела дивизии и начособотдела бригады (ну у меня и гены)

Годом раньше, когда начиналась эта любовь, Нина была сестрой милосердия. Однажды Слащев, в ту пору командир дивизии, был прошит пулеметной очередью. «Между тем пришлось отступить с позиции, и селение, в котором расположился Слащев, оказалось в районе, захваченном красными. Спасла Слащева молоденькая сестра милосердия, бывшая при гвардейском отряде, т. к. была сестрой служившего в этом отряде офицера. Она верхом отправилась в селение, в котором лежал Слащев, метавшийся в жару и беспамятстве, взвалила с помощью крестьян раненого на лошадь и прискакала с ним к гвардейскому отряду. Эта сестра милосердия неотлучно оставалась при боровшемся со смертью Слащеве и выходила его. Вскоре после выздоровления Слащев женился на ней. Его первый брак был несчастлив. Эта же вторая жена вполне подходила к нему: под видом ординарца (из вольноопределяющихся) Никиты она безотлучно находится при Слащеве и сопровождает его и в бою, и под огнем», – пишет очевидец.

С того дня и до самой смерти полоумного генерала Нина была с ним неразлучна. Куда он – туда и она. Даже если на верную гибель.

Так было в бою на Чонгарской гати – двухметровой насыпи через Сиваш.

22 марта 1920 года Слащев решил пройти по ней под ураганным огнем красных и захватить противоположный конец. Все офицеры сказали, что это невозможно. Тогда генерал построил мальчишек-юнкеров и под духовой оркестр, строевым шагом, повел вперед. «Ординарец Нечволодов» шел рядом – и был ранен. Гать в результате взяли, красные не выдержали «психической атаки».

Помните, как в пьесе «Бег», где Михаил Булгаков разделил образ реального Слащева на двух генералов – Чарноту и Хлудова, последний говорит вестовому Крапилину: «Я на Чонгарскую гать ходил с музыкой и на гати два раза ранен!», а Крапилин в неистовстве кричит: «Все губернии плюют на твою музыку!»?

По-моему, губернии правильно делают. Гнать под пулеметы любимую женщину – скверный героизм.

Дальнейшую биографию Слащева перескажу совсем коротко.

У Врангеля лопнуло терпение, и он снял самодура с командования армией. Нина последовала за Слащевым.

В эмиграции Слащева разжаловали и оставили без пенсии – Нина (в отличие от подруги генерала Чарноты) любимого не бросила.

Потом Слащеву взбрело в голову вернуться в Совдепию, где он был заочно приговорен к смертной казни. Нина поехала с ним.

В фильме «Бег» подругу Чарноты сыграла Татьяна Ткач

Бывшего генерала амнистировали, и он преподавал тактику на высших командных курсах «Выстрел». Нина руководила там театральной студией.

Даже в кино они снялись вместе: в кинокартине «Врангель» сыграли самих себя.

Но в 1929 году Слащева убил некий Коленберг, мстя за брата, казненного белыми (у Слащева было прозвище «вешатель»).

И здесь следы Нины Нечволодовой теряются. Куда она исчезла и что с ней было дальше, неизвестно.

Белые амазонки (окончание)

Эту-то женщину вы почти наверняка знаете, а во времена моего детства, когда телесериалов было мало и каждый из них становился событием, ее знала вся страна. Правда, многие думали, что ротмистр Мария Захарченко из фильма «Операция “Трест”» – персонаж вымышленный или, по крайней мере, сценаристы нарочно подбавили «женщине с музеем» колорита.

А вот и нет. Реальная Мария Лысова-Михно-Захарченко-Шульц прожила жизнь еще более удивительную, чем героиня Людмилы Касаткиной. В кино, снятом к «пятидесятилетию великого Октября», всей правды про белогвардейскую подпольщицу, конечно, рассказать было невозможно, но чувствовалось, что авторы против воли восхищаются этим вроде бы отрицательным персонажем.

Самая яркая роль фильма

[Кстати говоря, написал про «пятидесятилетие октября» – и вздрогнул. Мальчишкой я смотрел тот фильм про чекистов и белых террористов как сказку про невозможно далекие времена. А ведь 1967 год от наших дней дальше, чем тогда был 1927-ой, когда происходит действие фильма. Пора отмечать пятидесятилетие пятидесятилетия Великого октября. «Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной» (И. Бродский). Но не буду отвлекаться.]

Юность у генеральской дочки Маши Лысовой была вполне заурядной для девушки ее круга. Пожалуй, единственная не совсем обычная деталь – страстная любовь к лошадям. Мария с детства была прекрасной наездницей. А так что ж? Закончила Смольный, годик поучилась в Швейцарии, в двадцать лет выскочила замуж за гвардейского офицера. Было это за год до начала мировой войны.

Теперь сравните две фотографии.

Марии двадцать лет

Марии немногим за тридцать

Невозможно поверить, что это один и тот же человек. Между снимками всего одно десятилетие. Но какое...

Что ж, давайте посмотрим, как из милой мадемуазель с хлыстиком получилась железная женщина с маузером.

Муж Марии, капитан Михно, в самом начале войны был смертельно ранен и скончался в госпитале, на руках у беременной жены (она родила три дня спустя).

Проявив невероятное упорство, вдова – через великую княжну Ольгу Николаевну и императрицу – добилась назначения в боевую часть (ранее я уже говорил, что для 1915 года это было совершенно исключительным событием). Оставив грудного младенца, она поступила в гусарский полк. Сначала сослуживцев раздражало ее присутствие, да и проку от горекавалеристки было мало. Ее «штатская» посадка не годилась для конного боя. Но вольноопределяющаяся Михно была упряма и со временем постигла всю гусарскую науку.

Первый Георгиевский крест она получила за то, что ночью вывела отряд в германский тыл. Второй – за то, что, сама будучи ранена, вывезла из-под огня раненого товарища. Медаль «За храбрость» – за взятие пленного.

Та война была хоть и суровой, но «по правилам». На следующей, Гражданской, правила отсутствовали, суровость превратилась в озверение, а пленных, даром что соотечественники, «пускали в расход». (Однополчане будут называть бывшую барышню с хлыстиком «бешеной Марией» за то, что она не брала красных в плен.)

К Деникину Мария добиралась долго и сложно. К этому времени у нее уже была другая фамилия, она вышла замуж за полковника Захарченко. Супруги раздобыли документы персидских подданных и поэтому попали в Добровольческую армию кружным путем, через Персию.

Мария воевала в уланском полку, которым командовал Захарченко. Как и ее первый муж, он умер в госпитале. Сама она тоже получила тяжелое ранение, была обморожена. Эвакуировалась вместе с остатками врангелевской армии. В общем, исполнила классическое белогвардейское «хождение по мукам» от точки до точки.

В эмиграции другие офицеры устраивались таксистами, официантами, швейцарами. Мария хотела только одного: продолжать борьбу с красными.

Она вступила в организацию генерала Кутепова, занимавшуюся подпольной и террористической деятельностью на территории Советской России.

В 1923 году вместе со своим третьим (невенчанным) мужем лейб-егерским капитаном Радкевичем они пересекли эстонско-советскую границу и в последующие годы проделывали это рискованное путешествие не раз.

Вышло так, что «супруги Шульцы» оказались игрушкой в руках ОГПУ, которое в это время проводило многокомпонентную провокацию с кодовым названием «Трест». Принцип операции был позаимствован у царской Охранки, использовавшей двойного агента Азефа для контроля над террористами.

Эта игра продолжалась не один год. В конце концов в мае 1927 года чекистская интрига была раскрыта. Подпольщиков немедленно начали арестовывать, но «Шульцы» сумели уйти в Финляндию.

И сразу же после этого, вместо того чтоб благодарить судьбу за чудесное спасение, Мария стала добиваться у руководства организации разрешения вернуться в СССР. Она чувствовала себя скомпрометированной, опозоренной, желала смыть вину кровью.

Георгий Николаевич Радкевич (1898–927)

Не прошло двух недель, как она и Радкевич вновь оказались на советской территории, но теперь поврозь – каждый вел собственную диверсионную группу. Никакого специального задания у них не было: они шли просто убивать чекистов.

Радкевич отправился в Ленинград. Через два дня после перехода границы бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ. Долго уходил от погони. Был окружен. Отстреливался. Покончил с собой.

Своего третьего мужа Мария к этому времени уже разлюбила, у нее завелся новый спутник – Александр Опперпут (в фильме эту роль сыграл Донатас Банионис), вместе с ней державший путь на Москву. Я не уверен, что можно назвать романтическим словом «любовь» отношения тридцатилетней Марии с мужчинами. Полагаю, к концу жизни она научилась любить (посмотрите в глаза женщины со второй фотографии). У людей, которые живут одной ненавистью, на другие чувства не остается душевных сил.

Боевики попытались устроить взрыв в чекистском общежитии на Лубянке, но теракт сорвался.

Уходили, разделившись: Опперпут одним маршрутом (и вскоре погиб в перестрелке), Мария и еще один офицер – другим.

На них устроили гигантскую облаву с перекрытием железных дорог, прочесыванием лесов, мобилизацией армейских частей и даже местных жителей. Ротмистр Захарченко считалась самым опасным террористом белого подполья.

Мария и 23-летний Юрий Петерс-Вознесенский угодили в ловушку близ Полоцка. Отбивались до последнего патрона. Точнее, до предпоследнего. Если верить фильму «Трест», Мария стреляла по-снайперски.

Красноармеец, участвовавший в этом бою, так описывает последнюю минуту жизни белой Немезиды: «На противоположной опушке леса, в интервале между мишенями [перестрелка происходила на армейском полигоне], стоят рядом мужчина и женщина, в руках у них по револьверу. Они поднимают револьверы кверху. Женщина обращается к нам, кричит: – За Россию! – и стреляет себе в висок. Мужчина тоже стреляет, но в рот. Оба падают».

Сейчас она застрелится

Известно, что бывают люди, до такой степени пропитавшиеся войной, что они уже не могут остановиться. История жизни Марии Захарченко свидетельствует, что этой болезни подвержены не только мужчины.

И это серьезное дело нельзя поручать никому

*«Романы кончаются тем, что герой и героиня женились...
Описывать жизнь людей так, чтобы обрывать описание на
женитьбе, это все равно, что, описывая путешествие человека,
оборвать описание на том месте, где путешественник попал к
разбойникам».*

Лев Толстой. Дневник

Не знаю, прав ли здесь Лев Николаевич, но другое, более известное его изречение на ту же тему стопроцентно справедливо: про несчастливые браки рассказывать гораздо интереснее, чем про счастливые.

Не буду сейчас объяснять, зачем я углубился в тему неудачных браков. Понадобилось изучить самые впечатляющие матримониальные фиаско венценосных особ. Про одно из них вам и расскажу. (Впрочем, эта поучительная история хорошо известна, ее пережевывают и смакуют скоро уж двести лет.)

Когда в мае 1821 года с далекого острова Святой Елены пришла весть о смерти Наполеона Бонапарта, министр иностранных дел лорд Каслри кинулся во дворец порадовать короля: «Государь, вашего злейшего врага более нет!»

Георг IV в совершеннейшем восторге воскликнул: «Как? Неужто она умерла?!» Он вообразил, что речь идет о его супруге королеве Каролине.

Этот милый брак свершился при следующих обстоятельствах.

В бытность наследником престола Георг много шалил, наделал кучу долгов (по нынешним деньгам на 40 миллионов фунтов стерлингов), да еще и тайно женился на католичке. Парламент пообещал принцу выплатить долги и увеличить содержание, если его высочество перестанет дурить и женится на протестантке августейшего происхождения, а свой предыдущий брак будет считать недействительным.

Предложение было интересное, поэтому принц Уэльский быстро согласился, поручив правительству выбор суженой. Наверное, решил, что за такие деньги можно и не привередничать.

Жену нашли, руководствуясь государственными соображениями. Англия в ту пору воевала с Францией и нуждалась в плацдарме на континенте, а у герцога Брауншвейгского заневестила дочь Каролина.

Первый раз свою суженую принц увидел лишь накануне свадьбы. Она показалась ему уродиной, и от нее пахло несвежим бельем. (Каролина не виновата – новомодная концепция личной гигиены не успела дойти до маленьких немецких дворов.)

«Кого вы выбрали мне в жены?» – сказал король. Потом слабым голосом произнес: «Мне нужно выпить бренди», и удалился.

Принцессе Каролине жених тоже ужасно не понравился. «Да он толстый! И вовсе не такой красавец, как на портрете!» – пожаловалась она. (На портрете вообще-то, как можно заметить, тоже не очень.)

Брачная ночь все-таки состоялась, потому что одним из условий сделки с парламентом было рождение ребенка. Для храбрости принц наакался так, что, по свидетельству принцессы, большую часть ночи провалялся под кроватью. Всё же через девять месяцев на свет появилась девочка. Сразу после рождения ребенка принц Уэльский составил завещание, по которому законной супруге в случае его кончины должен был достаться один шиллинг.

Дама с характером

Под одной крышей принц и принцесса просуществовали недолго. Каролина переселилась в поместье, где жила в свое удовольствие. Георг тоже ни в чем себе не отказывал. А когда Наполеоновские войны закончились, ее высочество уехала из скучной Англии в Италию и зажила еще веселей, чем прежде. Условностям она значения не придавала и вообще была дамой с характером.

Например, полюбила слугу-итальянца и не скрывала своих с ним отношений. Купила ему баронский титул, чтобы порадовать красавца.

Относительно мирная супружеская жизнь на безопасном расстоянии друг от друга закончилась, когда принц Уэльский вдруг стал королем.

Тут захотелось побыть королевой и Каролине. К ужасу его новоиспеченного величества она засобиралась в Лондон. Предложили отступного – отказалась.

Тогда король срочно затеял бракоразводный процесс, проходивший в палате лордов. И началось шоу а-ля Андрей Малахов.

Для такого душики ничего не жалко

Публика узнала массу пикантных подробностей об интимной жизни истца и ответчицы. На улице собирались то ликующие, то негодующие толпы. Короля народ не любил, зато отчаянная Каролина людям нравилась, ее шумно приветствовали (примерно как в девяностые принцессу Диану). Понимая, что дальше будет только хуже, лорды прекратили разбирательство. Развод не состоялся.

Но Каролина осталась королевой только по имени. На коронацию ее не пустили, хоть она колотилась то в одни, то в другие двери Вестминстерского аббатства, кричала, топала ногами. Король наверняка слышал эти шаги командора и трясся от ярости.

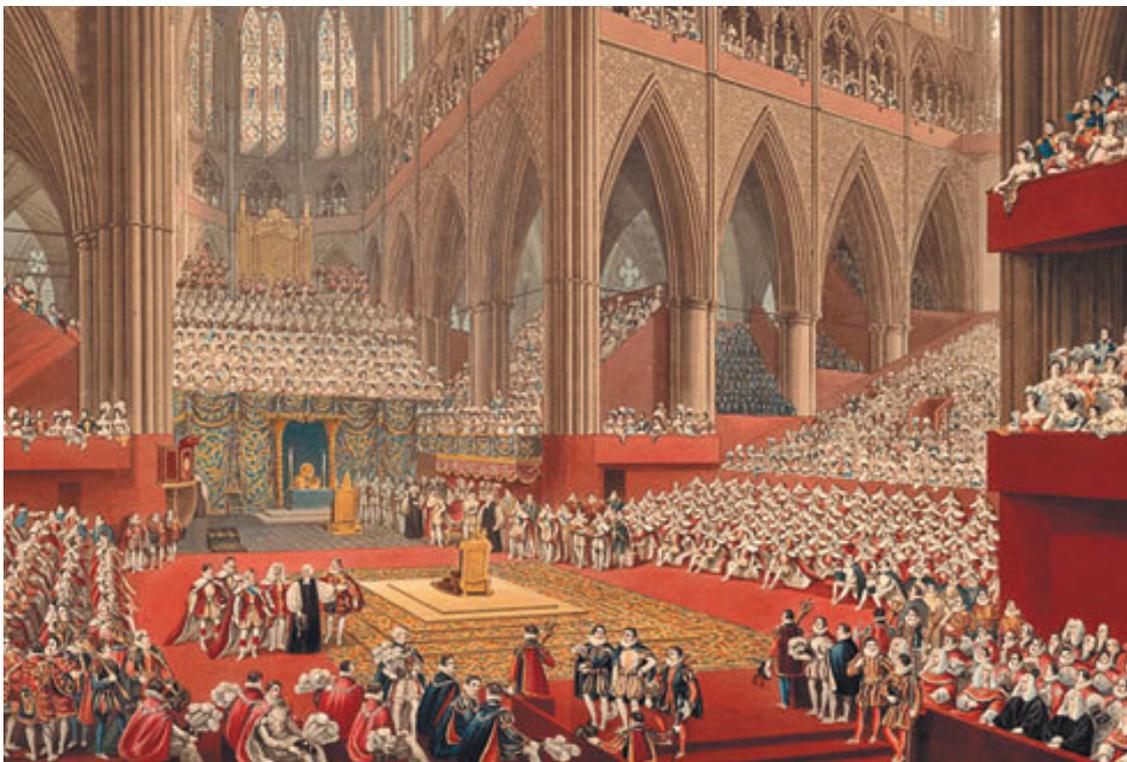
Именно в те скандальные дни лорд Каслри и ввел его величество в сладостное заблуждение.

Адвокат ее величества обвиняет его величество

Правда, после этого Каролина промучила любимого супруга недолго. От обиды и стресса слегла, приказала долго жить. Успела оставить последнее распоряжение: на гробнице высекали надпись «Каролина, оскорбленная королева Англии».

Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Коронация Георга IV

Быль о сером волке (Жеводанское чудовище)

В Европе, где нет ни львов, ни тигров, ни крокодилов, ни смертоносно ядовитых змей, самым страшным фольклорным зверем оказался скромный волк. Им-то и пугают детей с незапамятных времен. Например, мое самое раннее воспоминание неоригинально: «Придет серенький волчок и ухватит за бочок», – пела няня. Правда, я не пугался, поскольку «волчок» у меня коннотировался с нестрашной вертящейся игрушкой, а песню я адекватно оценивал как художественную гиперболизацию и за свой бочок совершенно не опасался.

Вот я вам сейчас расскажу по-настоящему страшную сказку про серого волка. И самое ужасное в этой сказке то, что она – быль. А к тому же еще детектив с неочевидной разгадкой.

В середине 18 века, в цивилизованной Франции, в разгар века Просвещения, развернулись невероятные события, наделавшие много шума. В историю эту было бы трудно поверить, если б весь ее ход не был подробно задокументирован.

В лесах Лангедока завелся страшный зверь-людоед, которого прозвали Жеводанским чудовищем, потому что первую свою жертву, 14-летнюю девочку, монстр задрал в провинции Жеводан. Случилось это весной 1764 года.

Свидетели описывали некое животное крупнее волка, но меньше медведя, с рыжевато-серой шерстью, огромной тупорылой башкой и закрученным хвостом.

С этого момента нападения чудовища (большинство источников все-таки называет его «волком») уже не прекращались. В общей сложности, по официальным данным, от клыков таинственного зверя погибли более ста человек (в основном женщин и детей). Еще тридцать были покусаны, но выжили.

Пришел серенький волчок...

Паника охватила не только регион, но прокатилась по всей Франции. Лучшие охотники королевства искали в густых лесах зверя-убийцу. Безрезультатно.

Женщины вкуснее мужчин

Тогда Людовик XV специальным эдиктом направил в Лангедок своего главного ловчего Антуана де Ботерна. Много недель Ботерн расставлял ловушки, устраивал засады и в конце концов, уже в сентябре 1765 года, его егеря застрелили аномально крупного волка. Труп животного был с триумфом доставлен в Версаль, выставлен на всеобщее обозрение. Слухам о Жеводанском чудовище было высочайше велено прекратиться.

Чучело показывают в Версале

Но не прекратились убийства. Еще целых два года монстр пожирал женщин и детей, только в газетах об этом больше не писали. Отрапортовано о решении проблемы – значит, проблемы больше нет.

Слава истинного победителя Жеводанского волка принадлежит простому охотнику по имени Жан Шатель. 16 мая 1767 года зверь искусал до смерти девочку, его родственницу. Шатель шел по следу кровожадной твари три дня, в конце концов нашел ее и застрелил. На сей раз это несомненно было оно, Жеводанское чудовище: свидетели его опознали. Да и нападений с того дня больше не было.

Памятник Жану Шателю в его родной деревне

Точные размеры зверя известны. Не такой уж он был исполин: длина тела всего 99 сантиметров, а зев шириной 19 сантиметров. Немного крупней немецкой овчарки. Вот уж воистину у страха глаза велики.

Таковы факты. Дальше начинаются вопросы.

Хвост для волка странноватый

Во-первых, непонятно, что это все-таки было за животное: волк или не волк?

Во-вторых, волки почти никогда не нападают на человека в одиночку, только стаей.

В-третьих, очевидцы героической победы Шателя рассказывали, что, когда охотник наконец увидел чудище, оно само пошло ему навстречу, чуть ли не виляя хвостом. Почему?

На сегодняшний день большинство историков склоняются к следующей версии.

Жан Шатель был человеком нелюдимым, жил на отшибе, со сворой «молоссов» – охотничьих псов особой породы, происходящей от скрещенного волка с собакой. Возможно, один из щенков оказался крупнее и злее других. Возможно, Шатель был мизантропом, который специально натаскал метиса охотиться на людей. Зачем? Черт его знает. Допустим, это был социопат, наслаждавшийся зловещей славой и тайной властью над жизнью и смертью окружающих. Подобные экземпляры встречаются. Во всяком случае, эта версия логично объясняет развязку драмы. Когда родственница Шателя умерла в муках, изгрызенная зверем, охотник решил уничтожить свою опасную «игрушку». Он наверняка знал, где следует искать людоеда, – и хладнокровно пристрелил монстра, когда тот кинулся навстречу хозяину.

Есть еще более причудливая версия – про то, что Шатель действовал не сам по себе, а выполнял приказы своего господина, маркиза де Сент-Албана, слывшего сумасбродом и человеконенавистником.

Теперь уже никто достоверно не установит, что там произошло на самом деле.

Лет десять назад во Франции вышел художественный фильм, навеянный историей про Жеводанское чудовище, – «Le Pacte des loups», но я его не видел и какой из версий придерживаются создатели, не знаю.

Настоящая умная женщина

Расскажу вам о Настоящей Умной Женщине.

Ум, как известно, бывает разного калибра и профиля: практический, научный, творческий, смекалистый, «женский», поведенческий, психологический и так далее. Но, думаю, самый главный тип ума – тот, который позволяет человеку правильно относиться к жизни.

Люди нередко влюбляются в кого-то с одного взгляда. Мы, литераторы, способны влюбиться с одной фразы. Так со мной и произошло. Я влюбился в леди Монтегю, когда работал над книгой «Писатель и самоубийство», именно что с одной фразы.

Нет, не беспокойтесь, эта дама не совершила самоубийство, для этого она была слишком умна.

Мэри была дочерью графа Пирпонта, появилась на свет в 1689 году. Почти всё детство провела в библиотеке отцовского замка – там было одно из богатейших книжных собраний Англии. Но в книжного червя или, как говорили в более поздние времена, в «синий чулок» Мэри не превратилась. У книг она научилась главному – самостоятельно думать.

В юном возрасте она оказалась в ситуации, довольно обычной для девицы той поры: полюбила одного, а отец собирался выдать ее за другого. При этом с избранником сердца соединиться по какой-то причине было никак нельзя. Мэри решила эту тягостную коллизию с невинной мудростью: раз счастья нет, пусть будет покой и воля. Сама выбрала человека, которого могла уважать и который при этом обещал не ограничивать ее свободы, сбежала с ним и вышла замуж без отцовского разрешения.

Сэр Уолтер Монтегю тоже был человеком умным, занимал видные государственные должности, и его жена стала украшением лондонского света. В нее влюблялись, пересказывали из уст в уста ее остроты, почитали за честь вести с ней переписку.

Бедный Александр Поуп, великий поэт, по уши влюбился в Мэри (очевидно, как и я, после какой-нибудь удачной фразы). Пылко признался в своих чувствах, а красавица, не дослушав, покатила со смеху – и заработала себе врага на всю жизнь.

Красавица и поэт: обидная для литераторов сцена запечатлена на известном полотне Вильяма Фрита

В двадцатилетнем возрасте на Мэри обрушилась страшная для молодой женщины, а особенно красавицы беда: оспа, лечить которую европейская медицина совершенно не умела. Леди Монтегю выжила, но всё ее лицо покрылось отметинами, знаменитые ресницы выпали.

Тогда она перестала появляться в свете и заставила восхищаться собой на расстоянии. По ее настоянию муж добился должности посланника при дворе султана. В Константинополе Мэри выучила язык и обычаи, впервые исследовала жизнь гарема – и издала «Турецкие письма», которыми зачитывалась вся Европа. Кроме того, посланница изучила восточную методику вакцинации оспы.

Теперь можно было и вернуться. В Англии разразилась очередная эпидемия, и леди Монтегю вступила с нею в борьбу. Начала с того, что вакцинировала свою трехлетнюю дочку. Потом предложила провести эксперимент над семью приговоренными к смерти преступниками в обмен на обещание помилования. Они выжили и были отпущены на свободу. Затем тот же опыт был проделан над шестью сиротками из приюта (все равно дети там мерли

как мухи). Сиротки тоже выжили. Тут уж король повелел подвергнуть спасительной процедуре собственных внуков, страна поверила в эффективность лечения, и эпидемия была побеждена.

К пятидесяти годам леди Монтегю решила, что отныне она вступает в возраст полной свободы и больше не будет считаться с условностями. Она разошлась с мужем (сохранив с ним чудесные отношения) и стала жить в свое удовольствие. Путешествовала, общалась только с людьми, которые ей были интересны. В биографии Льюиса Кроненбергера сказано: «Она ненавидела зануд, от которых бегала, и ненавидела дураков, с которыми ссорилась». Надо сказать, о женщинах леди Монтегю была невысокого мнения, предпочитала общество мужчин, что неудивительно, если учесть тогдашний уровень обычного женского образования. «Я рада, что я женщина, – говорила Мэри, – благодаря этому мне не придется обзаводиться женой». Нас, беллетристов, эта дама тоже не любила. «Сочинители романов, – говорила она, – наносят читателям двойной ущерб: воруют у них деньги и время».

Жить леди Монтегю предпочитала в сладостной Италии, а на родину вернулась, только когда почувствовала, что пора умирать – в почтенном для той эпохи 73-летнем возрасте. На исходе жизни Мэри как-то призналась, что не заглядывала в зеркало последние одиннадцать лет. Ну не умница?

Вот три возраста леди Мэри Уортли Монтегю – на трех картинах.

Красавица

Умница

Счастливая старушка

«Человек, не умеющий быть довольным собой, вообще никогда и ничем не будет доволен» (самая знаменитая ее максима).

А теперь фраза, с которой началась моя любовь к леди Монтегю.

Находясь на смертном одре, она сказала (это были ее последние слова): «Всё это было очень интересно».

Вот это и называется правильным отношением к жизни.

Настоящая писательница

Почему я считаю настоящей, стопроцентной, архетипической писательницей женщину, которая не оставила такого уж яркого следа в литературе, объясню в конце. Сначала просто расскажу о моей любимице тем, кто про нее ничего не знает или слышал это имя лишь краем уха.

Она была умна, энциклопедически образована, превосходно разбиралась в людях и обладала – выражаясь современным языком – незаурядными лидерскими качествами. Но в эпоху, когда общество относилось к сильным женщинам с предубеждением, Мари-Жанна предпочитала действовать, оставаясь в тени своего мужа.

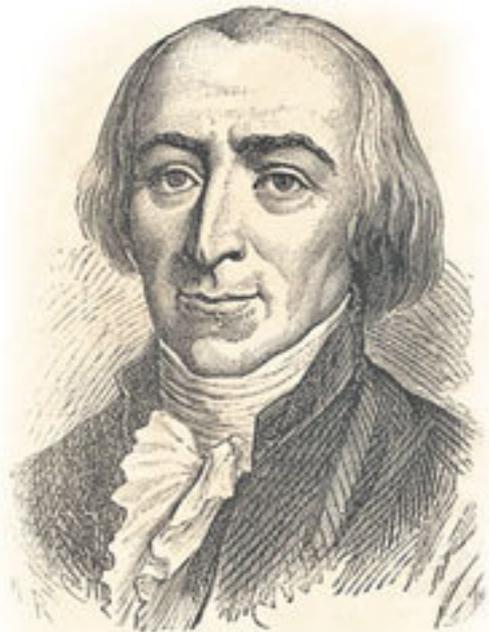
Мари-Жанна Ролан де ля Платьер (1754–793). Обычно ее называют просто «мадам Ролан»

Он был на двадцать лет старше, подкаблучник, безропотный обожатель своей высокоодаренной супруги, которая вывела мужа в большие люди, обеспечила ему место в учебниках истории, а в минуту опасности спасла от эшафота. Правда, это последнее благодеяние... Нет, не стану забегать вперед.

Дело было так.

С началом революции господин Ролан, живший в Лионе, начал публиковать блестящие статьи в прессе. Под ними стояла его подпись, но автором была Мари-Жанна. Благодаря

журналистской деятельности Ролан прославился, стал депутатом, перебрался в Париж. Там вокруг него (а на самом деле вокруг его жены) возник политический кружок, со временем превратившийся в жирондистскую партию. Ролан стал министром внутренних дел. Он произносил в Конвенте вдохновенные речи, текст которых готовила супруга.

А это мсье Ролан

Не буду утомлять вас пересказом революционных интриг и распрей. Довольно сказать, что умеренные жирондисты проиграли борьбу за власть кровожадным якобинцам, и чета Роланов угодила в ennemis du peuple.

Мари-Жанна помогла мужу бежать из Парижа, а сама осталась, ибо не признавала поражений – и в конце концов оказалась в тюрьме.

Именно там, во время пятимесячного заключения, она и написала «Обращение к беспристрастным потомкам», свое единственное произведение, обнаружив незаурядный литературный талант. Если б не гильотина, из мадам Ролан несомненно получилась бы выдающаяся писательница. Книга написана легко, энергично, пружинисто – без обычной для восемнадцатого столетия вязкости. Маленький образчик стиля (и характера Мари-Жанны): «Нет ничего хуже, чем иметь дело с дураком; единственный способ – связать его веревкой, все иные методы бесполезны».

Последний день ее жизни весь расфасован на цитаты, ставшие знаменитыми.

В 1793 году «врагам народа» рубили головы на площади Революции (нынешняя площадь Согласия), перед гипсовой статуей Свободы. Приблизившись к эшафоту, Мари-Жанна поклонилась истукану и воскликнула: «Ах, Свобода! Сколько преступлений свершается твоим именем!»

Плачущему дворянину, которого должны были казнить вместе с ней, Мари-Жанна сказала: «Идите первым, сударь. Вам будет не под силу смотреть, как я умираю».

Вон она, Свобода, – сидит, смотрит

Но я люблю мадам Ролан не за ее восхитительное мужество. Она покорила мое сердце другим поступком, не столь пафосным и менее известным.

Когда ее посадили в позорную колесницу, чтоб везти к месту казни, она попросила бумаги и чернил – чтоб записать мысли и впечатления на пути от тюрьмы Консьержери к площади Революции.

Вот что такое настоящая писательница! (И пусть горят в аду те, кто не исполнил ее последней просьбы.)

А мсье Ролана от эшафота она спасала зря. Узнав о смерти жены, он, находившийся далеко от Парижа, в безопасности, закололся шпагой, пережив Мари-Жанну на два дня.

Имя у него было зеркальное: Жан-Мари.

Настоящая принцесса

Теперь расскажу, какой, в моем представлении, должна быть настоящая принцесса. Это одна из самых ярких жемчужин в моей коллекции необычных судеб.

Принцесса была индийская, но родилась она в Москве (почему я ею первоначально и заинтересовался), главные события ее короткой жизни произошли во Франции, а погибла она в Германии.

Нур Инайят-хан принадлежала к роду легендарного майсурского владыки Типпу-султана, который в 18 веке доставил много хлопот английским колонизаторам.

Но отец принцессы был человеком мирным. Он жил в Европе, где основал Суфийский орден Запада, и больше всего на свете любил музыку. Выступал с концертами и религиозными лекциями.

Предок: Типпу-султан (1750–1799). Он пал, сражаясь

Отец: Хазрат Инайят-хан. Говорят, нравом он был подобен ангелу

Перед первой мировой войной какое-то время жил в России (чуть ли не по приглашению Распутина, увлекавшегося мистическими учениями Востока). Суфийским вероучителем и его музыкой всерьез заинтересовались композитор Скрябин и поэт Вячеслав Иванов. Таиров поставил мистерию «Шакунтала» на музыку Инайят-хана.

Главную роль сыграла в мистерии Алиса Коонен

Дочь Нур появилась на свет не где-нибудь, а в Кремле. Ее мать была американка. Девочка выросла во Франции и Англии, поэтому и французский, и английский были для нее родными языками.

Когда немцы захватили континент, семья перебралась в Лондон. И храбрая принцесса, отказавшись от отцовской заповеди непротивления злу насилеиом, записалась в разведшколу, где стала одной из лучших учениц радиокласса.

Умница и красавица Нурунисса Инайят-хан

Она была первой женщиной, брошенной на оккупированную территорию. В первые же полтора месяца все остальные передатчики были захвачены, и Нур осталась единственной радисткой Сопротивления на весь парижский регион. Глава британской разведки писал в отчете: «Это самая ответственная и самая опасная миссия во всей нашей сети». Риск был слишком велик, принцессе предлагали вернуться в Англию – она отказалась. Дважды она чудом ушла из засады. Один раз – отстреливаясь.

В сентябре 1943 года ее выдала предательница. Говорят, была влюблена в одного из резистантов и приревновала его к красивой радистке. Версия такая нелепая, что похожа на правду.

Грустно поем: «Ах война, что ты, подлая, сделала»

При аресте хрупкая девушка оказала яростное сопротивление. Ее допрашивали в гестапо, но она не выдала никаких секретов. Дважды пыталась бежать. В конце концов ее депортировали в Германию, десять месяцев продержали в одиночке закованной. Расстреляли в концлагере Дахау, но перед этим, по свидетельству очевидцев, эсэсовец (имя известно: Фридрих Руперт) ее зачем-то долго избивал. Настоящие принцессы вызывают у всякой мрази животную ненависть.

Диверсант № 2

Меня с давних пор занимают исторические фигуры, которые являются, так сказать, «серебряными медалистами». Это когда все внимание потомков досталось другому герою, добившемуся на том же поприще лучших результатов или больше прославившемуся по прихоти случая. Допустим, понятно, почему весь мир знает имя Юрия Гагарина, а космонавт № 2 Герман Титов известен куда меньше. Но часто бывает, что «второй номер» ни в чем не уступал первому, а может быть, даже его превосходил, однако остается в памяти последующих поколений лишь бледной тенью «золотого медалиста».

«Застенчивый, очень спокойный. Блестящий аналитик» (Из воспоминаний соратника)

Скажем, все слышали про Отто Скорцени, которого военные историки, вне зависимости от национальной принадлежности, признают самым результативным диверсантом Второй мировой. Блестящая операция по освобождению Муссолини и личное покровительство фюрера принесли лихому австрийцу огромную прижизненную славу, а напичканные саморекламой мемуары возвели бывшего оберштурмбаннфюрера в статус непревзойденного гения спецопераций, хотя на самом деле неудач у Скорцени было не меньше, чем триумфов.

А я хочу рассказать про немецкого диверсанта № 2. Не без сожаления выдаю с потрохами исторический прототип, из которого собирался слепить харизматичного злодея для «Шпионского романа-2». Сиквела у книжки, вероятно, не будет. Так что не жалко.

Познакомьтесь (кто не слышал этого имени раньше): Адриан фон Фёлькерзам, «актер второго плана» из свиты суперзвезды Скорцени, при том что результативность у Фёлькерзама была выше, а приключения не менее поразительны.

Причин, по которым этот человек малоизвестен, две: во-первых, он числился заместителем Скорцени и все лавры доставались начальнику; во-вторых, не дожил до конца войны и не имел возможности написать мемуары. Но те, кто лично знал обоих, пишут, что молчаливый, незаметный зам дал бы сто очков вперед своему хвастливому шефу.

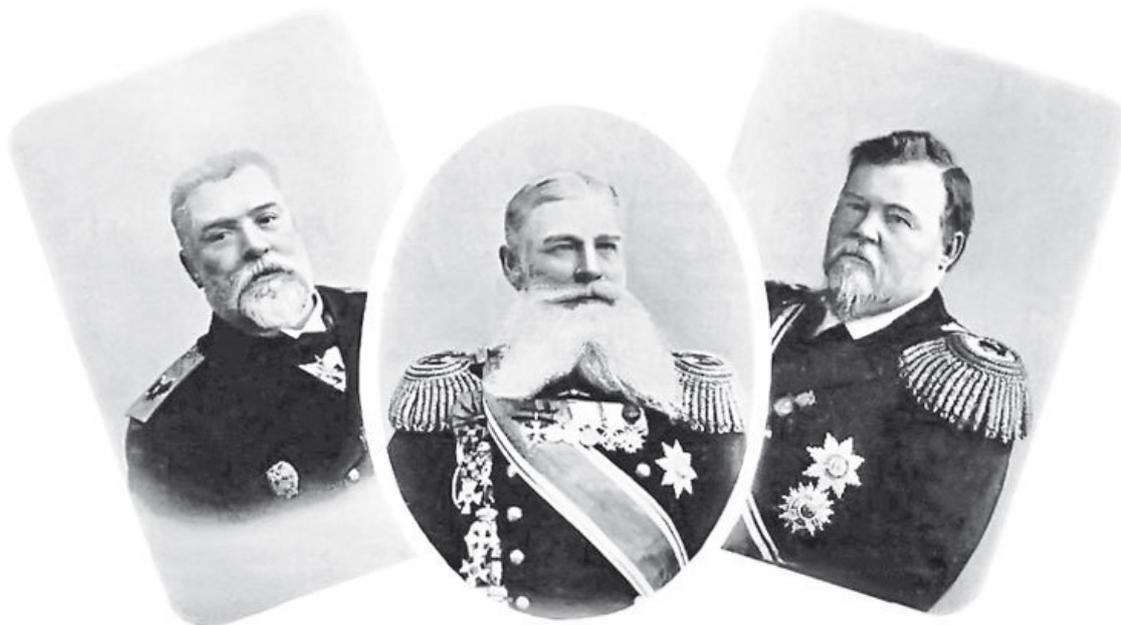
Это герб Фёлькерзамов

Нам этот человек интересен еще и тем, что он был нашим соотечественником. Во всяком случае, родился в России и на русском говорил как на родном.

Бароны фон Фёлькерзам были остзейцами, российскими подданными еще с петровских времен.

Дед Адриана – русский адмирал, младший флагман печальнопамятной тихоокеанской эскадры, погибшей при Цусиме. Правда, он скончался от болезни накануне битвы, но погребен завидным для моряка образом: положенный в холодильник, отправился на дно вместе с потопленным броненосцем «Ослябя».

Внук адмирала родился в Петербурге, но во время Гражданской войны семья эмигрировала, поэтому воспитывался и учился Адриан в независимой Латвии, а потом в Германии.

Младшие флагманы 2-й Тихоокеанской эскадры: (слева направо) контр-адмиралы Небогатов, Энквист и Фёлькерзам

В 1940 году вступил добровольцем в знаменитый полк «Бранденбург-800», готовивший диверсантов для заброски на вражескую территорию. Боевым группам полка была отведена очень важная роль на первом этапе операции «Барбаросса». Маленькими отрядами они просачивались в советский тыл и наносили удары по узлам связи, мостам и штабам, нарушали стратегические коммуникации, сеяли панику и так далее. Отец мне рассказывал, что в ужасные дни отступления от западной границы в наших войсках царил настоящий психоз по поводу вездесущих «парашютистов» – и вреда от этой истерики было во много раз больше, чем от самих диверсантов, которых отец ни разу так и не видел.

Лейтенант Фёлькерзам возглавил ударную «Балтийскую роту», состоявшую из русскоговорящих фольксдойче, литовцев и бело-эмигрантов; она натворила много всяких пакостей – например, захватила штаб целой дивизии, оставив ее без управления.

Не буду перечислять все досадные для нас фёлькерзамовские военные подвиги, а остановлюсь на одном, который и сегодня фигурирует в учебниках диверсионно-разведывательных школ под названием «Майкопский рейд».

Летом 1942 года Гитлер решил, что не стоит тратить силы на взятие Москвы, а лучше повернуть удар на юг и захватить каспийскую нефть. Больше всего немцев беспокоило, что, отступая, русские подожгут промыслы, трубопроводы, нефтеочистительные сооружения и на восстановление уйдет много месяцев.

Бойцы как бойцы. Только левый, на мой взгляд, какой-то подозрительный

Фёлькерзам получил практически невыполнимое задание: забраться в глубокий тыл противника и сберечь от разрушения нефтедобывающую инфраструктуру Майкопа.

Согласно немецким источникам, в июле диверсионный отряд в составе 62 человек просочился через линию фронта. Все были русскоязычные, одеты в форму НКВД; у Фёлькерзама – документы на имя майора Трухина.

По пути «Трухин» задержал беспорядочно отступающих бойцов, пристыдил за малодушие, построил в колонну. Доставил к командующему обороной Майкопа, который был рад подкреплению. В суматохе катастрофического августа 1942 года формальности не соблюдались. Генерал брал с собой «майора госбезопасности» в объезд по ключевым точкам обороны и города. Фёлькерзам постарался повсюду примелькаться.

Когда 8 августа немецкие танки приблизились к Майкопу и там началась спешная подготовка к уничтожению нефтяных объектов, диверсанты разделились на полтора десятка мобильных групп. Одна захватила центральный пункт связи, откуда передала в части приказ о срочном отступлении; несколько «пятерок» имитировали при помощи гранат артобстрел, чтобы вызвать панику; остальные разъехались по буровым и предприятиям с приказом об отмене запланированных взрывов. Если верить немецким релициям, вся эта авантюрная, но тщательно рассчитанная механика сработала: Майкоп был оставлен без серьезного сопротивления, а буровые сохранились. Фёлькерзам получил высшую военную награду – Рыцарский крест.

Освободив из плена Муссолини, Отто Скорцени стал фаворитом Гитлера и получил возможность брать в свое спецподразделение лучших специалистов диверсионного дела. Гауптштурмфюрер (капитан) Фёлькерзам стал начальником штаба и главным помощником «человека со шрамом», занимаясь подготовкой всех важных операций. Так он разработал планы похищения маршала Петэна и убийства маршала Тито, однако эти акции в последний момент были отменены. Зато в октябре 1944 г. Фёлькерзам рассчитал и провел как по нотам фантастическую операцию «Панцерфауст». (Скорцени подробно описывает ее в

своих мемуарах, переведенных на русский, но, как обычно, блистает там главным образом он сам.)

Коротко расскажу. Венгерский диктатор Хорти через своего сына вел тайные переговоры с Советским Союзом о выходе из войны. Только что то же самое проделала Финляндия, но Финляндия была от Рейха далеко, а через Венгрию у нашей армии появился бы прямой выход к германской границе, и война закончилась бы на несколько месяцев раньше.

В Будайском замке. Слева Скорцени, мой экс-прототип справа

Диверсанты сначала напали на охрану Хорти-младшего, скрутили его, закатали в ковер и переправили самолетом в Рейх. Когда диктатор, несмотря на похищение сына, всё же объявил о выходе Венгрии из войны, отряд Скорцени – Фелькерзама внезапным ударом захватил Будайский замок, резиденцию Хорти, почти без боя, с минимальными потерями. Хорти был смещен, во главе Венгрии встал Салаш, и война продлилась столько, сколько продлилась. (В марте 1945, за два месяца до победы, мой отец чуть не погибнет в мясорубке под Секешфехерваром – чтоб тому Фелькерзаму провалиться с его талантами.)

Потом была масштабная диверсионная операция «Гриф» – в Арденнах, где Фелькерзам, говоривший по-английски не хуже, чем по-русски, вредил как мог непуганым американцам. А потом дела у Рейха стали совсем плохи, и Гитлеру пришлось забивать гвозди микроскопом.

В январе 1945 года элитный «Ягдфербанд-Ост» («Охотничий отряд – Восток») во главе с Фелькерзамом был брошен на затыкание дыры в прорванном фронте. Против советских танков и артиллерии навыки диверсионно-разведывательного мастерства были бесполезны. Из восьмисот человек выжили пятнадцать. Пробиваясь к своим, они тащили на носилках смертельно раненого командира – это о многом говорит.

Вот такой у нас в ту войну был противник. Когда-то один счастливчик, вернувшийся с фронта одноруким, зато живым, сказал мне, юнцу: «Знаешь, я не верил, что мы их победим. И сейчас не понимаю, как у нас это получилось».

Эта фраза произвела на меня большее впечатление, чем все серии киноэпопеи «Освобождение» вместе взятые. Верили – не верили, но ведь победили же.

Детский возраст криминалистики

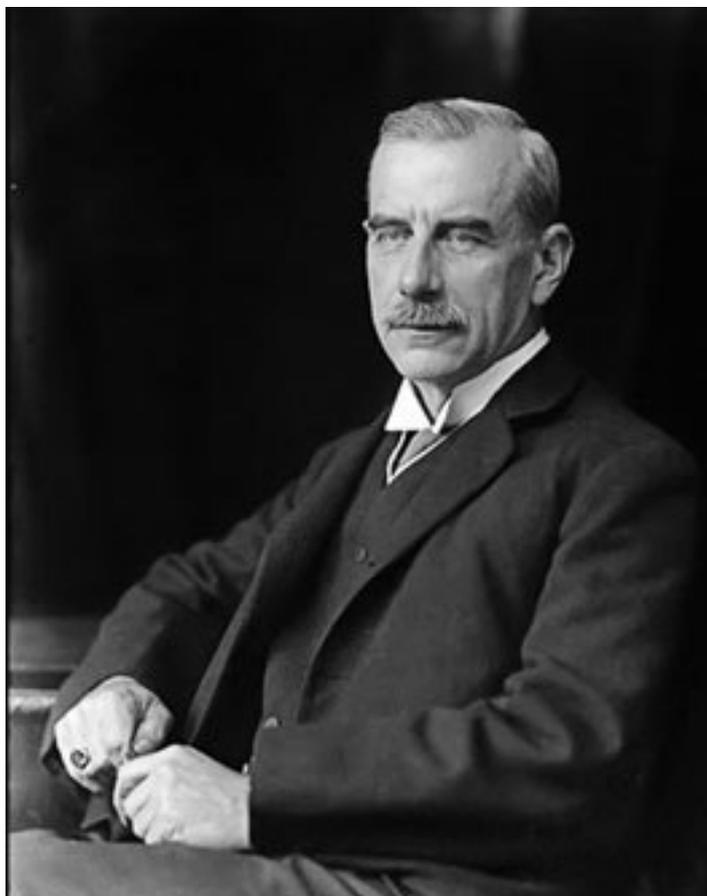
Читаю историю британской криминальной полиции, написанную сэром Бэзилем Томсоном (1861–1939).

До чего же трогательно выглядят первые успехи дедукции, восхищавшие современников!

Первым гением уголовного сыска в Англии был полковник Томас де Вейль (1684–1746), прославившийся храбростью, любвеобильностью (после него осталось 25 законных детей, сколько незаконных – неизвестно) и фантастической по тем временам проницательностью.

Главный триумф дедукции у де Вейля был следующий.

Однажды ограбили посудную лавку, причем в замке остался кончик ножа, которым преступник воспользовался вместо отмычки.

Сэр Бэзил Томсон

Через некоторое время сыскался подозреваемый. Но вот беда – этот человек упорно отрицал причастность к краже. И тут де Вейль блеснул креативом. «Не одолжишь ли мне свой ножик, приятель?» – невинным тоном осведомился он. Что было дальше, вы догадываетесь. Взломщику и в голову не пришло выкидывать хорошую вещь только из-за того, что у нее отвалился крошечный кусочек лезвия.

И весь Лондон ахнул, поразившись уму и находчивости полковника де Вейля.

Другая история, случившаяся в более утонченные времена, в двадцатые годы XIX века, так и осталась бы неразрешимой загадкой, если б не случайность.

Обокрали почтовую карету. Подозреваемого вскоре нашли по приметам и схватили. Это был некий Том Партридж. При опознании на него указали очевидцы.

Взгляд де Вейля прямо насквозь пробирает

Но арестованный клялся, что невиновен, и вообще держался как-то очень уж уверенно. На суд он привел целую дюжину свидетелей, людей вполне уважаемых, которые подтвердили, что в день кражи обвиняемый находился совсем в другом месте. Суду оставалось только оправдать подсудимого.

А пару лет спустя прокурор, оставшийся с носом, случайно увидел Партриджа на улице. Решил за ним проследить – чтобы на всякий случай знать, где теперь проживает тот, кого он считал ушедшим от заслуженного наказания преступником. Том подошел к какому-то дому, крикнул: «Эй, открой дверь!» – и из окна высунулся... еще один Том Партридж.

Очевидцев было примерно столько, сколько изображено на этой картинке

То есть, собственно, не Том, а Сэм – его брат, с которым они были совершенно на одно лицо.

Подлинный Джекил Хайд

Я всегда считал повесть Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» плодом писательского воображения, фантастической притчей на вечную тему двуединности человеческой души, в которой не стоит сегрегировать Зло от Добра.

Оказывается, ничего подобного.

В доме, где рос Роберт Стивенсон, имелась мебель, в свое время сделанная краснодеревщиком Уильямом Броди. Это имя не могло не интриговать маленького эдинбуржца. «Декан Броди» (1741–1788?) считался и до сих пор считается местной знаменитостью.

Вот Броди перед набом своего имени

Броди являлся одним из столпов городского общества. Он был не только деканом своей ремесленной гильдии (будем считать – профсоюзным лидером), но еще и депутатом горсовета, членом привилегированного джентльменского клуба и прочая, и прочая.

Однако по ночам почтенный декан вел совсем другую жизнь. Его фирма занималась изготовлением не только мебели, но и всякого рода замков. В дневное время Броди конструировал ключи, а под покровом тьмы без труда открывал запоры своего собственного производства и забирал ценности из дома заказчика – не сразу, конечно, а по истечении значительного времени, чтоб не вызвать подозрений. Преступник действовал так аккуратно и осторожно, что никто не догадывался о его второй жизни целых восемнадцать лет. В конце концов злодея выдал один из подручных, случайно попавший в руки полиции. Броди бежал на континент, скрывался, но его отыскали, доставили обратно и повесили.

Воров в Британии хватало, среди них иногда попадались и джентльмены, но это всё были люди разорившиеся и опустившиеся. Броди же был человеком весьма обеспеченным.

Ни современники, ни потомки не могли разгадать загадку: зачем он стал взломщиком? К чему было столько лет рисковать? Ради чего?

Про декана Броди известно, что к своим дополнительным доходам он относился так, будто они жгли ему руки: просаживал лишние деньги в кости и карты, да еще, кажется, щедро жертвовал на благотворительность.

Вот и Стивенсон в детстве, видимо, тоже ломал голову над тайной мистера Броди, а когда вырос и стал писателем, сочинил повесть о человеке, страдающем раздвоением личности.

Это потому что во времена Стивенсона еще не знали терминов «адреналиновый маньяк» и «латентная социопатия». На свете полным-полно мирных представителей миддл-класса, которым ужасно не хватает приключений. Другое распространенное явление – когда приличные в повседневном общении люди испытывают жгучую потребность устроить какое-нибудь безобразие, но держат себя в руках, потому что опасаются последствий.

Декан Броди, вероятно, был подвержен обеим этим психическим аномалиям. Если б в те времена существовал стритрейсинг или хотя бы пейнтбол, обошлось бы без виселицы. А свои социопатические порывы Броди мог бы гасить в социальных сетях. Зарегистрировал бы несколько аккаунтов под inferнальными никами, да ходил бы троллить и хамить в комментариях по чужим блогам. У нас в блогосфере таких «мистеров хайдов» вагон и большая тележка.

Но я еще не рассказал самое интересное: о казни эдинбургского оборотня.

Вешали декана Броди на весьма добротной виселице, которую он сам же в свое время изготовил по казенному заказу.

Сводку теленовостей в те времена заменял лубок: «Джентльмен-взломщик за решеткой!»

Умирать мастер золотые руки не собирался и проявил смекалку. Во-первых, надел стальной ошейник. Во-вторых, дал взятку палачу, чтоб тот закрепил петлю правильно. В-третьих, предупредил друзей, что на отпевание его принесут не вполне мертвым. Ну и в-четвертых (вот настоящий перфекционизм), еще вставил себе в горло серебряную дыхательную трубку на случай, если с ошейником что-то не заладится.

И ведь как в воду смотрел. Палач оказался негодяем: приговоренного вздернули с обнаженной шеей. Когда же друзья попытались оживить висельника, ничего не получилось. Дыхательная трубка тоже не помогла.

Это по одной версии.

А по другой, друзья все-таки вернули декана к жизни, он уехал из Англии, и его потом видели в Париже живехоньким.

Интересно: повесили его или нет?

Жалко, я не смотрел фильм «Декан Броди» и не знаю, какую концовку предпочел сценарист.

На его месте я обязательно сочинил бы эффектную сцену с оживающим покойником, у которого изо рта – ах, какой сюрприз! – вылезает серебряная трубка. А потом Броди и его аморальная, но любящая подруга плывут под парусами через Ла-Манш, навстречу восходящему солнцу и финальным титрам.

Видел кто-нибудь кино? Чем там у них кончается?

Братья и разбойники

Известно ли вам, что одну из самых уважаемых в мире полиций, британскую, в свое время основали двое людей, казалось бы, совершенно не приспособленных для подобного рода начинаний? Удивительно не то, что они были братьями, а то, кем были эти братья.

Старшего, Генри Филдинга (1707–1754), вы знаете: он был писателем, автором «Истории Тома Джонса, найденыша» – на мой взгляд, это первый роман, который и сегодня можно читать с удовольствием, без скидки на год написания. В свободное от сочинительства время Генри Филдинг исполнял обязанности судьи.

Взгляд у Генри Филдинга лукавый, совсем не судейский

В Англии середины XVIII века эта должность предписывала не только судить преступников, но и способствовать их поимке. С этим в Лондоне было плохо. То есть с преступниками-то хорошо, они просто кишмя кишели, грабили обывателей прямо среди бела дня, а вот с поимкой – плохо. Совсем никак. В городе с полумиллионным населением не существовало полиции. Констеблей выбирали по жребию, как сейчас присяжных. Приличные люди этой повинностью брезговали, нанимали вместо себя всяких бродяг. Таких «народных дружинников» следовало опасаться не меньше, чем откровенных разбойников.

Писателям иногда приходят в голову странные фантазии. Вот и Генри Филдинг придумал невиданную штуку: профессиональную полицию.

Власти сначала покрутили пальцем у виска, но писатель был человек настойчивый, с хорошими связями. В конце концов ему ассигновали сумму, на которую можно было содержать целых 6 (шесть) сыщиков. Работы у них было так много, что они носились по городу с утра до вечера и с вечера до утра, а поскольку контора судьи Филдинга находилась на Боу-стрит, первых полицейских прозвали «бегунами с Боу-стрит».

Джон Таунсенд, самый знаменитый из «бегунов», первый настоящий сыщик

К сожалению, Генри Филдинг так и остался в истории британской полиции лишь «автором оригинальной идеи». Применить ее на практике он не успел – умер. Продолжил дело его младший брат Джон, унаследовавший судейское звание и кабинет на Боу-стрит.

Если беллетрист кажется вам малоподходящей фигурой для столь серьезного дела, как создание профессионального правоохранительного ведомства, то Джон Филдинг на роль борца с преступностью и вовсе не годился.

Дело в том, что он был слепой. В юности, служа в королевском флоте, получил травму головы и лишился зрения.

Это был уникальный человек. Он использовал «бегунов» в качестве своих «рук» и «ног», а сам исполнял функцию мозга. Никто лучше «Слепого Клюва» (так его прозвали преступники) не умел проводить допросы. Обладая феноменальным слухом, Джон держал в памяти целую аудиотеку – различал голоса трех тысяч уголовников.

Джон Филдинг (1713–1780). На лбу у него была черная повязка, в руке – неизменный хлыстик

Многие приемы, считающиеся азбукой криминалистики, впервые были введены и опробованы слепым судьей. Он первым стал печатать в газетах приметы находящихся в розыске преступников; завел картотеку; стал устраивать опознания и очные ставки. На судебных заседания Джона Филдинга публика собиралась как на спектакли.

За какие-то два года «Слепой Ключ» избавил Лондон от организованной преступности. В 1763 году он создал первый отряд конной полиции, всего-навсего десять человек, но и этого оказалось достаточно, чтобы на улицах столицы совершенно прекратился дневной разбой (а ночью порядочным людям выходить из дому все равно незачем).

Судебное заседание

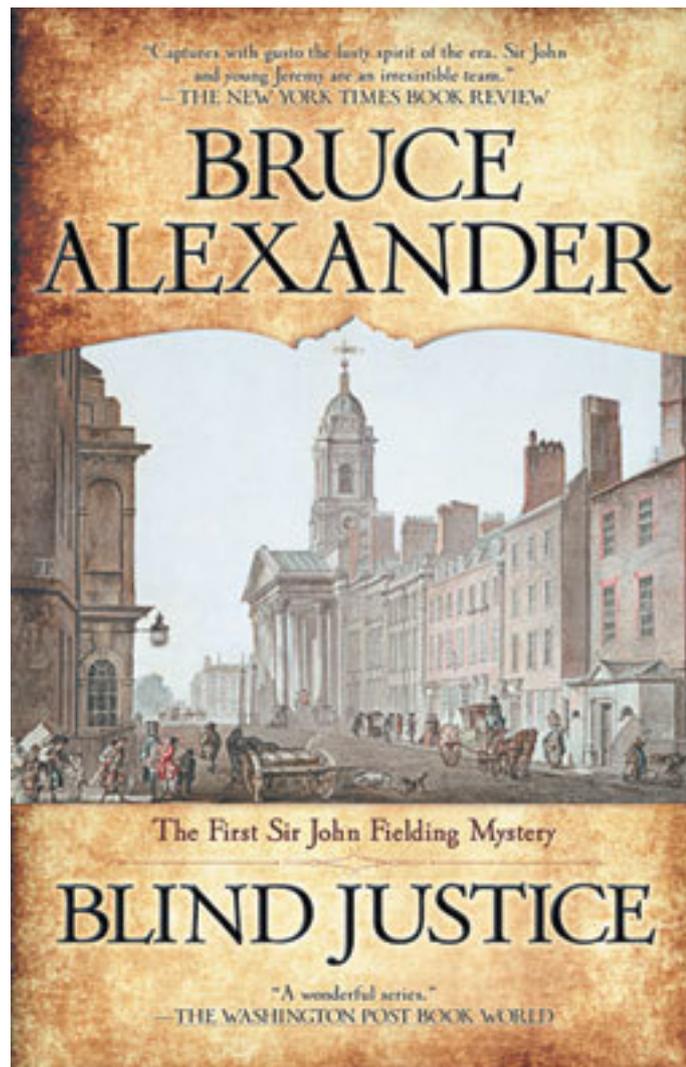
Впервые прочитав про слепого начальника полиции, я подумал: вот отличный персонаж для исторического детектива!

Но вскоре выяснил, что таких умных и без меня полно. Про Джона Филдинга сняты и фильмы, и телесериалы.

Это он в английском сериале «Город порока»

А писатель Брюс Александер сочинил целый цикл детективных романов «Тайны сэра Джона Филдинга».

В общем, и слава, и интерес потомков достались младшему брату, а старший так и остался автором «Тома Джонса». Хотя, может быть, его бы это только порадовало.

У, противная

Для моих авантюрных романов нужен постоянный приток свежих интересных злодеев. В поисках прототипов я перерыл всю мировую историю. С мужчинами все отлично; бьяки и буки этого гендера имеются в широком ассортименте. С женщинами – много хуже. То ли они менее склонны к социопатии, то ли многовековая мужская диктатура мешала им как следует развернуться.

Но кое-кого я все-таки выловил и в соответствующий файл прикнопил.

Была у меня, например, идея написать роман «Фэнтези» для проекта «Жанры». Требовалась кандидатка на вакансию препротивной императрицы. Этакой гадины, насквозь порочной и абсолютно безжалостной, чуждой всяких обычных человеческих чувств. Даже собственные дети для нее – разменная монета.

Нашел двух прекрасных кандидаток. Первая – византийская императрица Зоя Багрянородная (978–1050). Всем хороша и даже расчудесна, жаль только бездетна. Пришлось отсеять (я ее, правда, вставил в повесть «Огненный перст»). А вот вторая кандидатка подошла просто идеально. Поскольку мне она уже не пригодится – enjoy. Персонаж того стоит.

(Прошу прощения у китайцев, если неправильно транскрибирую имена – источники у меня были в основном иностранные.)

Итак, Китай эпохи Тан. Седьмой век. Половина Европы бегаёт в шкурах и молится грому с молнией. Русские леса пока даже не русские; Рюрика (которого, возможно, вовсе не было) дожидаться еще целых два столетия.

А в Срединной империи уже тысячу лет конфуцианская этика, грамотность, обустроенные города, твердые законы и прочие плоды просвещения, о которых я, впрочем, больше осведомлен по фантазийным повестям Роберта Ван Гулика. (Кто не читал про «благородного мужа» судью Ди – сочувствую.)

И вот в самой цивилизованной стране тогдашнего мира появилась на свет девочка с необычным для нашего уха именем У. Очень красивая, умная, с железным характером. Вышиванием и прочими женскими глупостями заниматься не желала, всё время проводила за чтением книг. Ее отца, крупного чиновника, постоянно переводили из провинции в провинцию, и девочка пылливо изучала, как устроена жизнь в разных краях. В хорошенькой головке происходила какая-то трудная, скрытная работа.

В тринадцать лет юную красотку забрали в гарем к императору – чуть ли не против воли родителей. Мать плакала по дочери, как по покойнице. А та выглядела очень довольной: она станет наложницей владыки вселенной.

Император Гао-цзун: могущественный, но слабый. Такое бывает

В женских покоях дворца новая конкубина пятого ранга провела двенадцать лет, кажется, так ни разу и не попав в опочивальню Сына Неба. А когда император Тай-цзун скончался, двадцатипятилетнюю У вместе с другими бездетными наложницами отправили в монастырь, пожизненно.

Интересно, когда именно она стала чудовищем? То ли уродилась такой, то ли нравственно покалечилась от долгого затворничества в гареме и монастырского заточения. Так или иначе, новый император Гао-цзун совершил большую ошибку, когда, польстившись на красоту монахини, вернул ее во дворец.

На первом этапе восхождения У действовала так, как только и могла действовать властолюбивая женщина той эпохи: манипулировала могущественным мужчиной.

Не буду подробно описывать извилистый путь, которым бывшая монахиня шла к власти: все бесчисленные каверзы, поклепы, доносы и тайные убийства. Остановлюсь лишь на одном эпизоде. Законная супруга императора не могла иметь детей. Но одного этого гандикапа было недостаточно, чтобы избавиться от соперницы. И У осуществила следующую комбинацию: удушила свою новорожденную дочь, а вину свалила на императрицу – та-де совершила это ужасное злодейство от ревности. Версия выглядела убедительно, сфабрикованные улики довершили дело. Возмущенный государь изгнал опороченную супругу (которую У вскоре приказала умертвить) и женился на безутешной матери несчастной малютки.

Новая жена вертела слабавольным императором, как хотела. Обычно во время заседаний правительства сидела за ширмой позади мужа и подсказывала ему, что говорить. Даже недоброжелательные летописцы признают, что советы были мудры, ибо У «хорошо знала литературу и историю».

Императрица У Цзэтянь: а глаза добрые-добрые...

Через несколько лет Гао-цзуна хватил удар, и царица начала править от его имени уже безо всякой ширмы.

Осложнение возникло, когда подрос сын, наследный принц. Силой характера он пошел в мать, но, испорченный конфуцианским воспитанием, не желал следовать путем зла, а хотел править по закону и справедливости. Методы, которыми управляла матушка (она, например, любила топить своих врагов в чане с вином или рассекать на четыре части), принцу решительно не нравились. Пришлось императрице непослушного сыночку отравить. А что было делать?

Другие сыновья были покладистей. Некоторое время она властвовала, прикрываясь именем одного из них, потом прогнала его прочь, посадила на трон другого. А в 690 году, шестидесяти шести лет от роду, решила покончить с этой ненужной декорацией и объявила себя правящим императором (единственный случай за четыре тысячелетия китайской истории).

В глубокой старости, каковой в те времена считался восьмой десяток жизни, от слишком долгого пребывания у власти императрица-император начала терять хватку. Погрязла в неподобающем возрасту разврате, попала в зависимость от начальников своей секретной службы – и в конце концов закончила тем, чем заканчивают все подобные диктаторы. Приближенные составили заговор и свергли одряхлевшую правительницу. Вскоре она скончалась в заточении. Наверное, перед смертью сокрушалась, что была слишком доверчива к людям и пролила недостаточно крови.

Эх, какая замечательная злодейка получилась бы для «Фэнтези»: мать, пожирающая своих детей.

Париж не стоит обедни, или Перельман былых времен

Lifestory графа Шамбора невероятно интриговала современников, однако сегодня ее вспоминают нечасто – мало кого интересует Несбывшееся и тупиковые ответвления истории.

Когда у Бурбонов, казалось бы, обреченных на вымирание, вдруг появился наследник, в рождении младенца усмотрели Перст Божий. Ребенка так и назвали – Henri Dieudonné, то есть «Богоданный Генрих». Ему достался титул герцога Бордоского, но в зрелом возрасте он предпочитал называться графом де Шамбором, по названию одного из замков, находившихся в фамильном владении династии. Под этим именем наш герой был известен всю свою жизнь, хотя до самой смерти роялисты упорно называли его Генрихом Пятым.

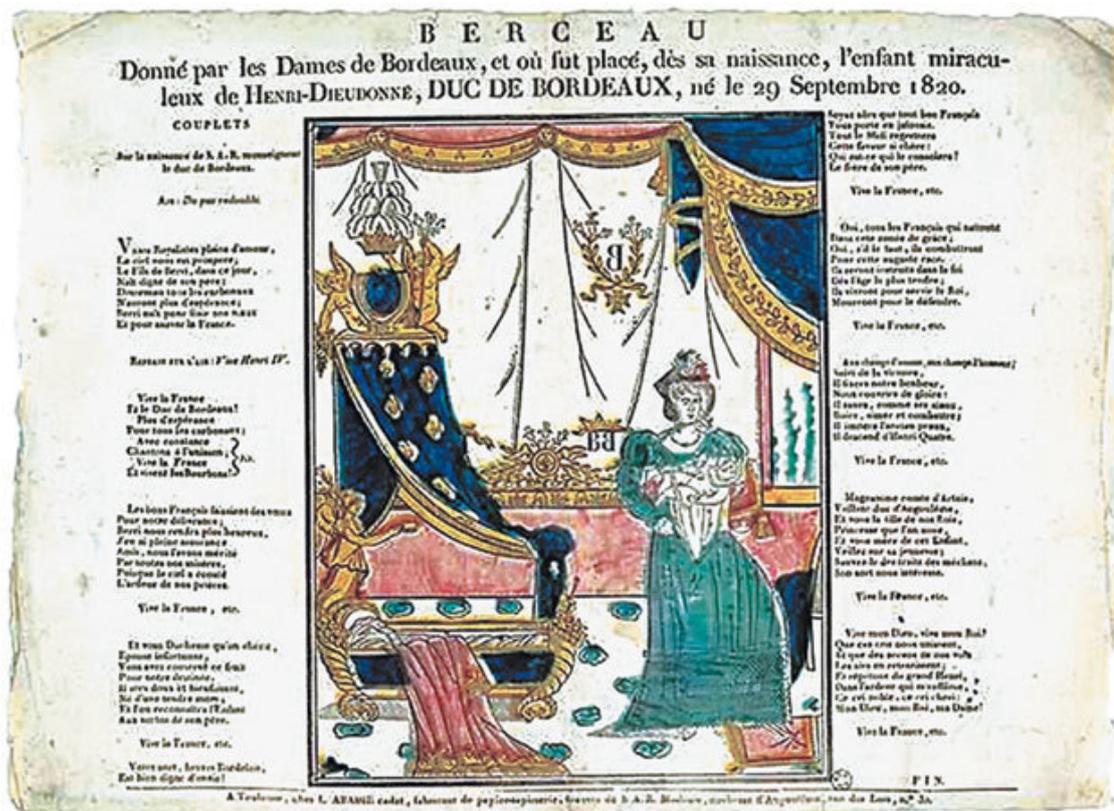
С 1830 года, когда французы окончательно свергли «ничего не забывших и ничему не научившихся» Бурбонов, десятилетний Генрих-Богдан все время находился в эмиграции и получил право ступить на родную землю лишь сорок с лишним лет спустя.

Жизнь изгнанного монарха на чужбине скорее напоминает грустный и чувствительный роман – «Человек, который смеется» или «Большие надежды».

Богоданный принц, веривший в свою волшебную звезду, вырос и стал несгибаемым рыцарем монархической идеи, которой подчинил всю свою жизнь. Он даже женился не из любви, а из принципа: взял в жены дочь единственного монарха (герцога Моденского), кто отказался признать королем «узурпатора» Луи-Филиппа. Правда, невеста была нехороша собой, глуха и не способна к деторождению, но это всё были второстепенности. Одним из первых своих декретов нецарствующий монарх объявил: «Сим провозглашаю, что никогда не откажусь от прав, коими, согласно французским законам, я обладаю по праву рождения».

Современникам, воспитанным на романах Дюма и Гюго, непреклонный принц чрезвычайно импонировал. У большинства было убеждение, что эта красивая история рано или поздно завершится успокоительным, заранее известным финалом: Шамбор преодолет все испытания. Награда, то есть корона, найдет героя.

К тому мало-помалу и шло.

«Дитя Чуда» – так называли принца в детстве, ибо он родился после смерти отца

Во Франции середины столетия конкурировали четыре основные политические силы: легитимисты (те, кто за Шамбора), орлеанисты (сторонники конституционной монархии Луи-Филиппа), бонапартисты и республиканцы. Все три враждебные Шамбору фракции получили – и провалили свой исторический шанс: сначала Луи-Филипп Орлеанский, потом Наполеон III, потом республика.

Эволюция: Маленький Принц – Принц-Шарман – Упертый Отморозок

И вот – скоро сказка сказывается, не скоро дело делается – на шестом десятке Шамбор оказался победителем. Орлеанисты ему подчинились, бонапартисты покрыли себя позором Седана, республиканцы залили Париж кровью и перепугались народовластия. Большинство французов желали отдаться под власть благородного и рыцарственного эмигранта, да

и вообще после ужасов войны и Коммуны все соскучились по пышности и праздничности монархического образа правления.

В 1873 году парламент стал вести с Генрихом Пятым переговоры о возвращении страны под скипетр Бурбонов. Вопрос был решен. Главный камень преткновения – конституционность – у Шамбора возражений не вызвал: коли такова воля народа, он не против. (Всеобщий вздох облегчения.)

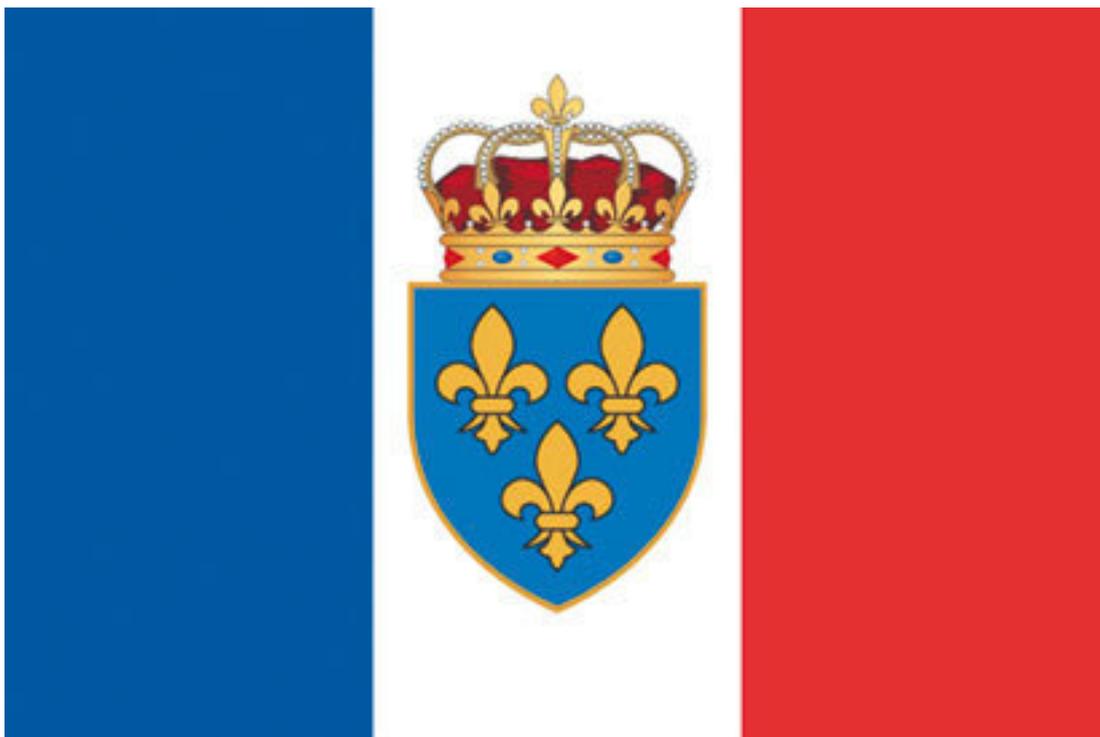
Это одна из тех карет

Вот уже изготовлены парадные кареты, на которых триумфатор торжественно въедет в ликующий Париж.

А потом дело рассыпалось – из-за сущего пустяка. Французы успели полюбить свой трехцветный флаг, покрытый славой революционных и наполеоновских побед. Однако Шамбор заявил, что знаменем страны могут быть только белые лилии, иначе он короноваться отказывается. Депутаты долго не могли поверить, что это заявлено всерьез. Потом, кряхтя и чертыхаясь, предложили компромисс: гибрид двух флагов.

«Полно ребячиться, государь! Ступайте царствовать!» – взывала вся Европа, истомившаяся в ожидании гарантированного хэппи-энда.

Но Шамбор, этот Григорий Перельман девятнадцатого века, твердо сказал: нет, он останется верен духу основателя династии Генриха Четвертого, который некогда покрыл белое знамя неувядаемой славой. Под восторженное блеяние романтических барышень и недоверчивое «ах!» всего остального общества монархический проект рассыпался. Франция осталась республикой, а ведь по всему должна была бы дойти до наших времен королевством британского образца.

Компромиссный флаг с сайта современных легитимистов

Честно говоря, не знаешь, как относиться к упрямству графа Шамбора. Что это было – пример истинной принципиальности или чудовищная тупость? Уж во всяком случае не верность духу Генриха Наваррского, который, как известно, был веселым циником, ради короны запросто переменил веру, а из-за какой-то тряпки и вовсе «заморачиваться» бы не стал.

Лично мне как сочинителю эта история греет душу неожиданной развязкой, кукишем вместо обещанной и вроде бы неизбежной рифмы «розы».

Помнить героев

Одним из главных пороков я считаю короткую память – когда люди пренебрегают прошлым, забывают долг благодарности, не помнят героев. «Забытый герой» – вот словосочетание, от которого у меня в сердце вонзается заноза.

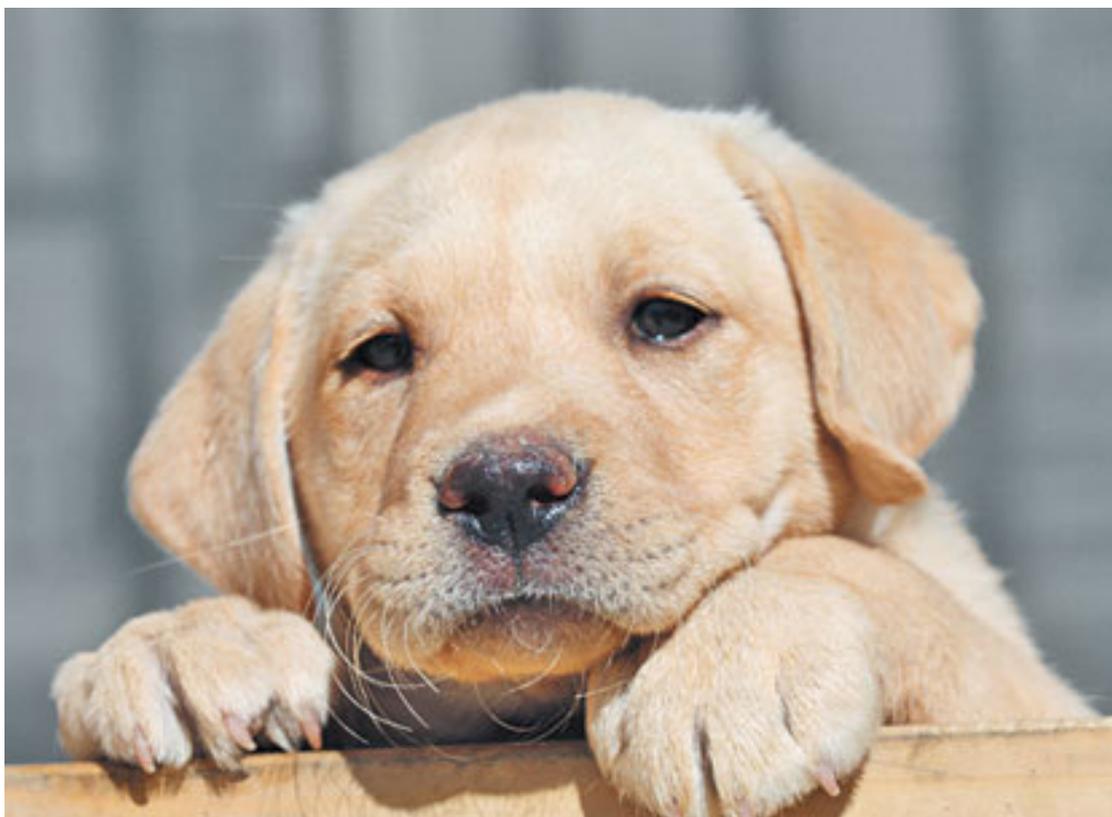
И как же здорово, когда благодарность надолго переживает того, кто совершил подвиг или сделал что-то очень хорошее. Особенно если герой не имеет потомков и не используется политиками для какой-нибудь пропаганды.

Именно про такого и хочу вам сегодня рассказать.

Начну с детской фотографии моего героя.

В таком примерно возрасте Занджир поступил в учебку для собак при Криминально-следственном управлении индийского города Пуна. Пса там научили многим полезным вещам – в частности, унюхивать взрывчатку.

Занджир оказался настоящим собачьим Моцартом по этой части – с раннего возраста проявлял черты истинной обонятельной гениальности.

На самом деле это не он, а просто дитя лабрадора. Моего героя в детстве не сфотографировали – не знали, что он станет героем. Но все золотые ретриверы похожи

Когда юному сотруднику угрозыска был всего год, Занджир, распределившийся после школы в бомбейскую полицию, прославился на всю страну.

В марте 1993 года один гад, главарь преступного синдиката, организовал в городе серию террористических актов.

Я был в Бомбее. Улицы этого перенаселенного города напоминают пересадочные узлы московского метро в час пик. Я никогда не видел такого количества людей. И вот некая гнусь по каким-то своим гнусным соображениям устраивает там один за другим террористиче-

ские акты. В разных районах гремят взрывы. Огромное количество людей убиты и ранены. Началась паника. При этом взрывы продолжают и продолжают – всего их произошло тринадцать.

Герой в зрелые годы

А было бы шестнадцать. Если б не Занджир, который в той сумасшедшей обстановке сумел найти целых три взрывных устройства.

Это был его звездный час, но далеко не последний подвиг. В целом за свою карьеру мой герой помог обезвредить (цитирую данные агентства «Рейтер») 3 329 кг взрывчатки, 600 детонаторов, 249 гранат и 6406 боевых патронов.

К сожалению, до старости и заслуженного отдыха Занджир не дожил. Он умер в восьмилетнем возрасте, в расцвете сил, от рака костей.

Надо сказать, что индийцы – большие молодцы. С благодарностью у них всё в порядке.

Во-первых, Занджиру устроили почетные похороны, на которых присутствовало множество народа, в том числе высшее полицейское начальство.

Занджир (1992–2000)

А во-вторых (и это меня особенно тронуло), о героической собаке снова вспомнили в двадцатилетний юбилей ее главного подвига. Снимок усыпанного розами и ритуальным красным порошком Занджира выплыл из прошлого и обошел весь мир. Я себе тоже скопировал, решив, что обязательно напишу о золотом лабрадоре.

Чтобы еще раз вспомнили.

Очарование Ислама

Для людей иудео-христианской культуры, которую ради простоты называют «западной», случаи перехода в ислам – редкость. Я имею в виду именно что людей культурных, то есть образованных, мыслящих, сложных. Тем интересней рассматривать каждый из этих примеров.

Я рассказывал об удивительной русской барышне Изабелле Эберхардт, влюбившейся в арабский восток и мусульманскую религию, но там, я полагаю, главную роль сыграло романтическое увлечение экзотизмом. Ну и вообще бедняжка погибла в том возрасте, когда у большинства людей мозг еще толком не проснулся, – всё шальные гормоны да сиреневые туманы.

Это был человек в высшей степени серьезный и сосредоточенно умный

Жизненный путь Леопольда Вайса (1900–1992), вошедшего в политическую и религиозную историю под именем Мухаммада Асада, на гормоны и романтические туманы не спишешь.

Он был потомком знаменитых раввинов, родился в интеллигентной семье в австрийском городе Лемберге (современный Львов), получил стандартное для своей среды образо-

вание. Правда, с юности любил приключения. В 14 лет впервые напугал родителей – сбежал на фронт. Потом временно образумился, изучал в Вене фрейдистскую премудрость, но любознательность и бойкость ума не позволили юноше получить respectable профессию. Он поехал в модное у еврейской молодежи двадцатых годов место – Палестину, посмотреть на сионистское движение. Сионисты Вайсу чрезвычайно не понравились, а вот ислам и бедуины пришлись по сердцу.

В автобиографической книге «Дорога в Мекку» он подробно объясняет, как и почему это произошло, но мне кажется, что здесь проявилась сугубо еврейская черта (по-моему, симпатичная): желание взглянуть на сложную проблему глазами оппонента. Человека увлекающегося эта дорога может завести дальше, чем он планировал.

Не буду пересказывать извилистую биографию этого человека – можете ознакомиться с ней в «Википедии» или еще где-нибудь. Лучше давайте объясню, чем Вайс-Асад интересен мне.

Здесь сразу два сюжета, которые меня всегда занимали.

Первый называется «еврей при губернаторе». В давнем романе «Пелагия и белый бульдог» я нарисовал лубочную картинку: как, с моей тогдашней точки зрения, должна выглядеть правильно устроенная российская власть. Был у меня там духовный пастырь и нравственный камертон владыка Митрофаний, был неукоснительный законник и педант губернатор фон Гаггенау и был при губернаторе хитроумный, изобретательный советчик еврей Бердичевский. В принципе эта формула применима для любой эпохи и любого общества. Советник при губернаторе, конечно, не обязан быть этническим евреем, но это должен быть консультант, не претендующий на роль публичного политика и способный выступить в качестве «адвоката дьявола», то есть рассмотреть трудную проблему незашоренными глазами, от противного.

Мухаммад Асад уникален тем, что умудрился исполнить эту роль дважды, причем в совершенно разной среде. Еще совсем молодым человеком он несколько лет помогал королю Фейсалу строить Саудовское государство. Потом перебрался дальше на Восток и выполнял ту же функцию при создателях новой мусульманской страны Пакистан.

Пакистан и сегодня помнит одного из своих отцов-основателей (кадр из фильма «Дорога в Мекку: путешествие Мухаммада Асада»)

Второй сюжет для меня не менее увлекательный, это когда человек, достигший высокого общественного положения, добровольно оставляет свой пост ради духовных поисков.

На шестом десятке (этот возраст меня, между прочим, тоже живо интересует) Асад, бывший «дипломатическим лицом» республики Пакистан и представлявший ее в ООН, оставил государственную деятельность и вообще политику. Всю позднюю пору своей жизни он писал книги. Перевел Коран на английский, занимался углубленным изучением ислама. Асаду хотелось, чтобы религия вернулась к своим чистым истокам, к принципам рационализма и терпимости. Но ислам развивался в противоположном направлении, и к концу жизни Асад пришел к выводу, что современные мусульмане недостойны своей религии. Неудивительно, что в некоторых арабских странах его сочинения жгли на площадях. Я же говорю: человек увлекающийся не умеет вовремя остановиться.

В литературе оценки личности и деятельности Мухаммада Асада диаметрально: идеалист или интриган, светоч религиозной мысли или духовный диверсант.

Наверное, всего понемногу. Но интересный человек, очень интересный.

Утонуть в пустыне

Если бы я написал роман об этой женщине, название обязательно получилось бы по-восточному цветистым и избыточным. Что-нибудь вроде «Загадочная жизнь и невероятная смерть Махмуда Саади, известного гяурам под именем Изабеллы Эберхардт».

Давайте сначала я коротко перескажу вам биографию русской девочки (она прожила всего-то 27 лет) с нерусским именем – точно так же, как впервые прочитал это жизнеописание я сам. И ничему не поверил, потому что всё выглядело абсолютно неправдоподобным. Я стал копать, вникать в подробности, разбираться в парадоксах, и оказалось: всё так и было. Что до загадок – большинство разъяснились, но некоторые остались нерасшифрованными.

Родным языком Изабеллы был русский, хотя в России она ни разу так и не побывала. Девочка родилась в Женеве 17 февраля 1877 года. Ее мать, жена престарелого генерала русской армии и сама (по меркам того времени) весьма уже немолодая дама, влюбилась в учителя своих детей, бывшего семинариста, и навсегда осталась с ним за границей. Представьте Одинцову и Базарова 15–20 лет спустя: они сошлись в гражданском браке, и у них родилась девочка, поздний ребенок.

Семья, в которой дети генерала и дети семинариста росли вместе, жила на большой запущенной вилле.

Девочка была заморожена арабским Востоком. Сначала один старший брат, потом другой вступили в Иностраннный легион и уехали в Магриб; их письма будоражили ее воображение. «Грустный зов Неведомого и Иного всегда манил меня», – напишет она впоследствии.

Изабелла стала писательницей в восемнадцать лет. Она начала публиковать в парижских журналах под мужским псевдонимом пряную, мечтательную прозу на восточную тематику еще до того, как побывала в Северной Африке.

Снимок из периода грез о Востоке

В 1895 году Изабелла уговорила мать отправиться в Алжир. И с этого момента тургеневский роман о мечтательной девице заканчивается, начинаются сказки Шахерезады. Что ни факт – чудо чудное, диво дивное.

Обе российские подданные – и мать, и дочь (естественно, по инициативе последней) – принимают Ислам. Потомственная дворянка Наталья де Мордер, урожденная Эберхардт, 59 лет от роду, берет себе имя «Фатъма Манубия». Изабелла же становится «Махмудом Саади»; отныне она почти всегда носит мужской арабский наряд.

В последующие годы Изабелла-Махмуд:

- путешествует верхом, иногда в одиночестве, по всему Магрибу;
- участвует в антифранцузском восстании;
- вступает в суфийское братство Кадрийя (нечто немислимое и для европейца, и для женщины);
- несколько раз высылается французскими военными властями за антиколониальную пропаганду;
- оказывается жертвой покушения – религиозный фанатик наносит ей несколько ударов саблей;
- становится первой в истории женщиной – военным корреспондентом;
- выходит замуж за солдата-араба, с которым вынуждена находиться в постоянной разлуке из-за своих странствий.

А про последний эпизод в жизни Изабеллы Эберхардт я расскажу чуть подробнее, ибо он показался мне уж вовсе фантастическим.

Осенью 1904 года Изабелла после очередной восьмимесячной разлуки встретила с любимым мужем в маленьком городке Айн-Сафра, находящемся в пустыне на юге Алжира.

Через два часа после того, как супруги соединились, *в пустыне началось наводнение, и Изабелла утонула.*

Когда я прочитал про потоп в пустыне, у меня возникло твердое ощущение, что вся эта life story – глупая мистификация.

Здесь сплошь одни загадки:

1) Две европейские женщины по собственной прихоти вдруг взяли и приняли мусульманство? Что за странная блажь? Да и возможно ли такое в принципе?

2) Можно ли поверить, что женщина год за годом успешно выдавала себя за мужчину? Судя по портретам, хрупкая Изабелла не больно-то была похожа на гермафродита.

Это уже не грезы: Изабелла в пути. По-моему, не очень похожа на мужчину

3) И вообще: может ли *европейская женщина* выдавать себя за *арабского мужчину*? Что, арабы такие идиоты? Даже не способны разобрать иностранный акцент?

4) С какого гашиша ряженую белую девицу станут принимать в члены мистической секты?

5) Ну и, конечно, главное: *утонуть*, извините, *в пустыне*? Где и жажду утолить иногда проблема?

Ответы на эти резонные вопросы – в следующей главе.

Разгадываем загадки (продолжение)

Господи, каких только версий, пытающихся объяснить загадку Изабеллы Эберхардт, я не встречал.

Исследователей и исследовательниц очень занимал интимный аспект приключений храброй путешественницы-травести. Из воспоминаний известно, что, помимо прочих экстравагантных причуд, она еще и шокировала современников «непристойным поведением» – открыто заводила романы с мужчинами, причем отдавала предпочтение арабам (двойной скандал для ханжеского и расистского колониального общества).

Согласно одной версии, ларчик просто открывался: вся тайна Изабеллы Эберхардт заключалась в ее пристрастии к «содомизму», то есть анальному сексу, сурово осуждавшемуся европейской моралью и не возбранявшемуся на Востоке. По другой теории, Изабелла, подобно Жанне Д'Арк, страдала аменореей (отсутствием месячных), что помогало ей как во время длительных путешествий в мужской компании, так и при любовных утехах.

До чего же я не люблю умников, норовящих свести тайну неординарной личности к какой-нибудь физиологической аномалии! Мне совершенно наплевать, как там было у «Махмуда Саади» с менструальным циклом и сексуальными предпочтениями. А на перечисленные в первой половине рассказа вопросы нашлись внятные ответы.

Девочка выросла в очень странном доме. Ее отец, Александр Николаевич Трофимовский, был эрудит, полимат и полиглот. Он не пускал дочь в школу, «чтобы ее не испортила цивилизация», учил всему сам. Изабелла с детства кроме русского, французского и немецкого, знала арабский. Коран она вызубрила чуть ли не наизусть, отец воспитывал ее в почтении к Великой Книге. Впоследствии прекрасное знание священных текстов и лингвистические способности путешественнице очень пригодились.

С ранних лет Изабелла, единственная девочка среди братьев, донашивала за ними одежду и по-мальчишески стриглась. Отец, помешанный на опасностях, повсюду подстерегающих юную барышню, отпускал ее в город лишь в мужском платье – ему так было спокойней. Маскараду способствовала узкобедрая, плоскогрудая фигура.

Юная Изабелла в наряде юнги

Влияние Трофимовского, человека весьма эксцентричного, на формирование личности Изабеллы было очень велико, поэтому расскажу о женевском базарове чуть подробнее.

Превыше всего Александр Николаевич ставил независимость и свободу выбора, а бурные проявления чувств презирал. Когда его любимый сын Володя покончил с собой, Трофимовский отбил телеграмму: «Мой любитель кактусов умер» (юноша любил ботанику). Когда Изабелла на похоронах матери зарыдала и стала кричать, что хочет умереть, отец подошел и молча протянул ей револьвер. От такого папочки, я полагаю, не то что в Магриб – на тот свет сбежать можно. Однако характером при этом Изабелла несомненно пошла в отца.

Особенно удивляться тому, что она уговорила мать перейти в Ислам, не приходится. Наталья де Мордер в Женеве во всем слушалась сожителя, а в Алжире точно так же оказалась всецело под влиянием своей решительной дочери. И потом, как известно, принять мусульманство просто. Довольно в присутствии двух свидетелей сказать: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед – пророк его».

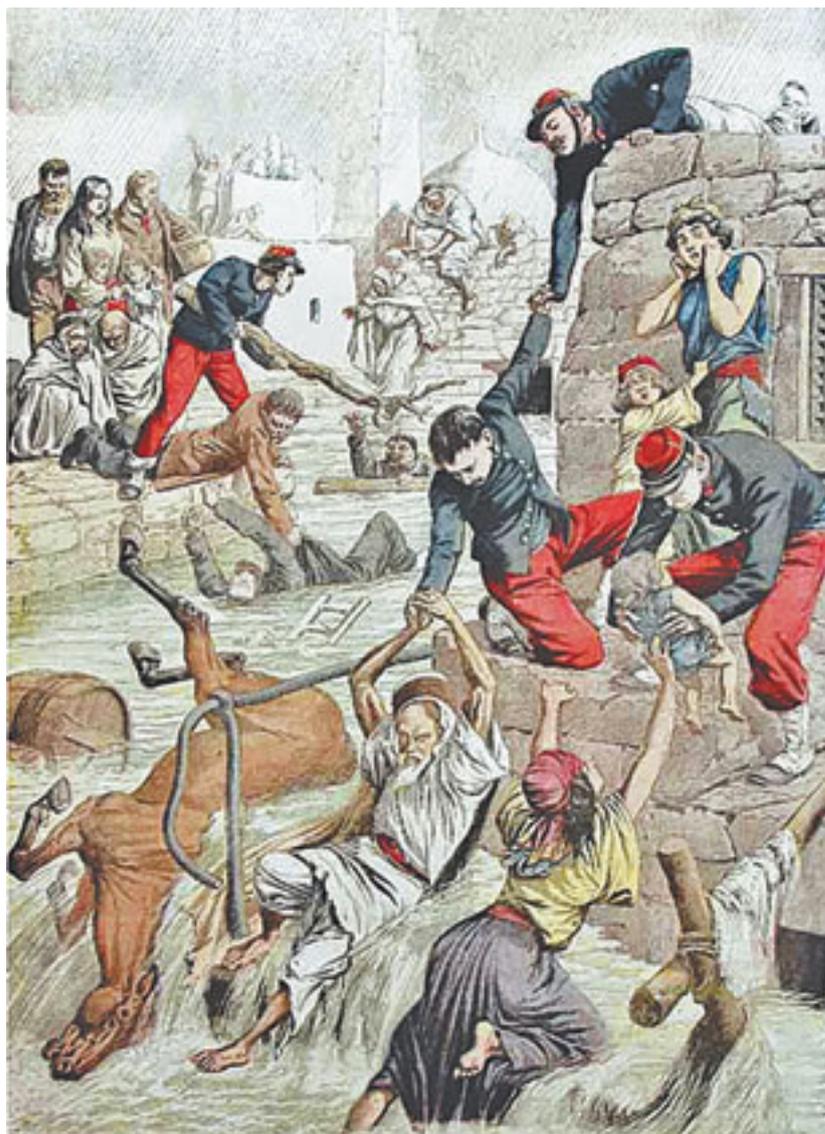

Редкий снимок Изабеллы в «женском» виде. Так и хочется вслед за Кутузовым из «Гусарской баллады» сказать: «А девкой был бы краше!» (Хотя она тут, видимо, в парике. Обычно брилась наголо)

Следующая тайна – как Изабелле удавалось дурачить своим маскарадом арабов – объясняется совсем легко. Арабы отлично знали, что имеют дело с переодетой девушкой. Однако, согласно арабскому этикету вежливости, человека считают тем, за кого он себя выдает. Местным жителям даже льстило, что белая женщина так хорошо выучила диалект и старается во всем следовать обычаям, а шейх суфиев приблизил к себе липового Махмуда из уважения к неподдельной вере удивительной и храброй девушки, к ее недилетантским познаниям в Исламе. (Между прочим, покушение на жизнь Изабеллы было вызвано тем, что ее, не знаю, справедливо или нет, фанатики считали любовницей вероучителя.)

И про наводнение всё правда. 21 октября 1904 года городок Айн-Сафра стал жертвой редкого природного явления. В горах стаял снег, и по сухому руслу реки, совершенно неожиданно, в ясную погоду, хлынул мощный поток грязи и ледяной воды. Он был высотой в два или три метра, несся с бешеной скоростью, сметая всё на своем пути. В ветхом доме, где находились Изабелла и ее муж, рухнули балки. Его вытащили, ее – нет.

А вводить в свою книгу персонаж, похожий на Изабеллу Эберхардт, я передумал, потому что история храброй, талантливой, абсолютно свободной женщины, будто по случайности попавшей в свое время из будущего, слишком хороша, чтобы декорировать ее вымыслом.

Потоп в пустыне. Ужасно, но ничего мистического

Вот французы сняли о ее жизни художественный фильм – вышло не очень.
По такому материалу следует «докудраму» снимать – получилось бы то, что надо.

Приключения Колобка

У меня всегда вызывали особого рода любопытство люди повышенной живучести, сто-процентной непотопляемости и феноменальной приспособляемости. На свете встречаются прямо гении этакой акробатики. Их головокружительные кульбиты и сальто особенно впечатляют во времена потрясений и переворотов. Такой человек в любую щель протиснется, вокруг любого дерева плющом обовьется и от бабушки уйдет, и от дедушки. Всегда знает прикуп, всегда оказывается близ светила, которое в зените – но немножко сбоку, чтобы в случае чего вовремя спрятаться в тень.

При этом никакой загадки в этих существах нет. Их психологическая конституция элементарна, в чем и заключается ее прочность. У такой личности есть железный нравственный закон, с которого ее не собьешь: всё, что ей на пользу – Добро; все, что ей во вред – Зло. С такой установкой на свете живется легко и просто.

Один виртуоз-эквилибрист находится у меня в разработке для будущей книги, где он, может быть, мелькнет периферийно, и рассказать о нем подробно не хватит места. А рассказать хочется, до того этот колобок румяный да укатистый. Впрочем, кто-то из вас про него наверняка слышал: товарищ Люшков Генрих Самойлович, он же Рюсикофу-сан.

Это был человек предприимчивый, безусловно одаренный, храбрый (впрочем, тогда храбрых было много) – и абсолютно беспринципный, что в сочетании с звериным нюхом являлось неременным условием выживания в те опасные времена.

Генрих Люшков родился в нехорошем с точки зрения жизненных перспектив 1900 году. Вырос в турбулентном городе Одессе. Уже в семнадцать лет учуял, в какую сторону дует ветер, и сразу поставил на большевиков.

Паренек был бойкий, нахрапистый, с авантюрной жилкой. В двадцать лет стал комиссаром бригады, получил орден Красного Знамени – я же говорю, трусом он не был.

По окончании боевых действий армию почти всю распустили. Многие бывшие начальники оказались не у дел. (Мой дед, например, в 1922 году после демобилизации работал на заводе токарем, – а на войне был немаленький начальник). Но юный Генрих знал, на какую лошадку садиться, – и пристроился на самую правильную службу, в ЧК. Сначала бегал на небольших должностях, потом потихоньку вскарабкался. Умный был, работоспособный, незаменимый для начальства.

Поработал в «загранке» (это уже тогда было и выгодно, и престижно) – немножко пошпионил в Германии. Но главной жар-птицей для него стало покровительство непосредственного начальника и тезки Генриха Ягоды. Люшков вознесся вместе с наркомом на головокружительные высоты.

Отличился в следствии по делу об убийстве Кирова, сфальсифицировал еще несколько процессов, лично допрашивал Зиновьева и Каменева (знак очень высокого доверия со стороны руководства).

По сталинским законам периодической профилактики палаческого аппарата Люшков должен был сгореть вместе со своим патроном. Однако тут случилось чудо номер один – Люшков уцелел. *Единственный* из всех ягодиных начальников управлений НКВД.

Он вовремя уловил своими чувствительными локаторами сияние новой звезды – товарища Ежова и сумел соскочить с тонущего корабля.

В 1937 году наш колобок укатился на Дальний Восток – стал там большущим начальником, полпредом НКВД. В то время это было самое важное из региональных управлений, поскольку врагом номер один у нас тогда считалась Япония. Ну а кроме того, в нервные времена Большой Чистки находиться подальше от Москвы было и для здоровья полезней.

На Дальнем Востоке товарищ Люшков, по его собственному признанию, произвел 200 тысяч арестов; семь тысяч человек расстрелял; депортировал в Среднюю Азию корейцев – в общем, хорошо поработал.

Уж не знаю каким образом он, находясь в нескольких тысячах километров от московской банки с пауками, унюхал опасность раньше своего покровителя Ежова, но в июне 1938 года Люшков совершил трюк доселе небывалый. Получив срочный вызов в столицу «на ответственную работу в центральном аппарате», товарищ комиссар госбезопасности 3 ранга ответил энтузиастическим согласием, но отлично понял, что пришла пора укатываться и от дедушки. У него, впрочем, уже всё было спланировано.

Большой человек

Жена повезла больную дочку лечиться в Польшу. Люшков в своем Хабаровске дождался телеграммы с условным текстом «Шлю свои поцелуи» и провел отличную операцию по уходу через границу. Явился на заставу при всех регалиях, сказал, что у него встреча с секретным агентом на нейтральной полосе, – и скоро оказался у японцев. Те прямо не поверили своему счастью: чекист такого уровня, три ромба, то есть по-ихнему генерал-лейтенант!

Японской лисичке-сестричке кичунэ колобок тоже очень понравился. Он рассказал все чекистские и военные секреты (ой, много!); разоблачил перед журналистами преступления большевистского режима; охотно взялся за разработку плана по убийству Сталина (эта затея сорвалась по случайности).

Пообщавшись с Люшковым, японцы оценили его ловкий ум и работоспособность по достоинству. Определили на славную должность советника при штабе Квантунской армии,

где он жил себе, не тужил – кажется, единственный чекист ягодинской и ежовской когорт, вышедший сухим из воды.

Разоблачитель сталинизма Рюсикофу на пресс-конференции в Токио

Семью, правда, ему спасти не удалось. Несмотря на условленную телеграмму, жену успели снять с поезда. Долго мордовали в тюрьме, потом расстреляли. Дочка сгинула в спец-приемнике. Уничтожили и всех остальных родственников перебежчика.

Однако колобки долго горевать не умеют. Люшков преотлично жил в Дайрэне с японской любовницей, которую ему подсунула контрразведка. Кажется, все были друг другом довольны.

Закончилось всё очень интересно.

Летом 1945 года дела у японцев стали совсем паршивые. Империя из последних сил сопротивлялась американцам и ужасно боялась, что Советский Союз нарушит пакт о нейтралитете. В этой ситуации держать у себя личного врага Сталина было неразумно.

Когда советские войска перешли границу и разгром стал неминуемым, лисичка-сестричка решила, что колобка пора слопать. Начальник японской военной миссии Такэока получил приказ избавиться от компрометирующего субъекта и поступил согласно самурайскому кодексу: вызвал к себе «Рюсикофу-сан», объяснил ситуацию и предложил почетно застрелиться. Почетно стреляться колобок отказался (они этого не умеют), и тогда Такэока прикон-

чил неискреннего человека без почета, а труп приказал сжечь, о чем и отрапортовал начальству.

Казалось бы, сказке про колобка конец.

Но мне как-то не верится, что прохиндей такого класса, объегоривший Ягоду, Ежова и самого Сталина, позволил бы себя сожрать мелкому японскому служаке. В рассказе Такэоки и его подчиненных есть одна странность. Вот зачем офицерам императорской армии было утруждаться и сжигать труп? Зарыли бы или бросили бы в реку. Кто 19 августа 1945 года, накануне краха, стал бы задавать вопросы и проводить расследования?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.